

100 великих романов

Анатолий ФРАНС

ОСТРОВ
ПИНГВИНОВ

100 великих романов

Анатолий Франс

Остров пингвинов

«ВЕЧЕ»

1909

Франс А.

Остров пингвинов / А. Франс — «ВЕЧЕ», 1909 — (100 великих романов)

ISBN 978-5-4484-8534-3

Сатирический роман «Остров пингвинов», написанный классиком французской литературы Анатолем Франсом (1844–1924), – это тонкая пародия на историю человечества, поданная как история вымышленной страны Пингвинии. Повествование начинается с жития святого Маэля, который так увлекся миссионерством, что по ошибке окрестил пингвинов, тем самым вызвав настоящий переполох в раю. Чтобы исправить оплошность, святой оказался вынужден превратить пингвинов в людей, и теперь новоявленный пингвиний народ пройдет те же этапы исторического развития, что и все европейские народы: от древних времен и до начала XX века.

ISBN 978-5-4484-8534-3

© Франс А., 1909

© ВЕЧЕ, 1909

Содержание

Предисловие автора	6
Книга первая. Происхождение	11
Глава I. Жизнь святого Маэля	11
Глава II. Апостольское призвание святого Маэля	12
Глава III. Испытание святого Маэля	15
Глава IV. Плавание святого Маэля по Ледовитому океану	17
Глава V. Крещение пингвинов	19
Глава VI. Совещание в раю	21
Глава VII. Совещание в раю	26
Глава VIII. Превращение пингвинов	29
Книга вторая. Древние времена	30
Глава I. Первые одежды	30
Глава II. Первые одежды	33
Глава III. Межевание полей и возникновение собственности	34
Глава IV. Первое собрание Генеральных штатов Пингвинии	37
Глава V. Брак Кракена и Орброзы	39
Глава VI. Алькский дракон	41
Глава VII. Алькский дракон. (Продолжение)	43
Глава VIII. Алькский дракон. (Продолжение)	45
Глава IX. Алькский дракон. (Продолжение)	47
Глава X. Алькский дракон. (Продолжение)	49
Глава XI. Алькский дракон. (Продолжение)	51
Глава XII. Алькский дракон. (Продолжение)	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Анатолий Франс

Остров пингвинов

© Дынник В.А., перевод на русский язык, наследники, 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие автора

При всем разнообразии развлечений, казалось бы занимающих меня, жизнь моя посвящена лишь одному предмету. Вся она безраздельно служит осуществлению великой задачи: я составляю историю пингвинов. И работаю упорно, несмотря на постоянно возникающие трудности, порою непреодолимые.

Я производил раскопки, извлекая из-под земли древние памятники этого народа. Камни были первыми книгами человечества. Я изучал камни, представляющие собою как бы начальную летопись пингвинов. На берегу океана мною был разрыт еще никем не тронутый древний курган; я обнаружил в нем, как это обычно бывает, каменные топоры, бронзовые мечи, римские монеты, а также монетку в двадцать су, с изображением французского короля Луи-Филиппа Первого¹.

Что касается времен исторических, то здесь мне оказала большую помощь летопись Иоанна Тальпы, монаха Бергардинского монастыря². Я черпал из нее обильные сведения, тем более важные, что по истории пингвинского раннего средневековья другими источниками мы до сих пор не располагаем.

Начиная с XIII века имеется уже более богатый материал – более богатый, но и более зыбкий. Писать историю – дело чрезвычайно трудное. Никогда не знаешь наверное, как все происходило, и чем больше документов, тем больше затруднений для историка. Когда сохранилось только одно-единственное свидетельство о некоем факте, он устанавливается нами без особых колебаний. Нерешительность возникает лишь при наличии двух или более свидетельств о каком-либо событии, так как они всегда противоречат одно другому и не поддаются согласованию.

Конечно, предпочтение того или иного исторического свидетельства всем остальным покоится нередко на прочной научной основе. Но она никогда не бывает настолько прочна, чтобы противостоять нашим страстям, нашим предрассудкам и нашим интересам или препятствовать проявлениям легкомыслия, свойственного всем серьезным людям. Вот почему мы постоянно изображаем события либо пристрастно, либо слишком вольно.

О трудностях, возникавших предо мною при составлении истории пингвинов, я не раз заводил речь с археологами и палеографами – как пингвинскими, так и иностранными. Но вызывал к себе одно лишь презрение. Они смотрели на меня с сострадательной улыбкой, в которой можно было ясно прочесть: «Да разве мы, историки, пишем историю? Разве мы стремимся извлечь из текста, из документа хотя бы крупницу жизни или правды? Мы попросту, без мудрствований, издаем тексты. Мы во всем придерживаемся буквы. Только буква обладает достоверностью и определенностью. Духу эти качества недоступны: мыслить – значит фантазировать. Писать же историю могут только пустые люди: тут нужна фантазия».

Все это я читал во взгляде и в улыбке наших известных палеографов, и беседа с ними глубоко меня обескураживала. Но как-то раз, после разговора с одним из светил сигиллографии, повергшего меня в полное уныние, мне вдруг пришла в голову такая мысль: «Однако ведь существуют же историки, ведь не совсем же вывелась эта порода людей! В Академии нравственных наук их сохранилось пять-шесть. Они не издают текстов – они пишут историю. Уж они-то не скажут мне, что лишь пустые люди способны к такого рода занятиям».

И я приободрился.

¹ Луи-Филипп Первый. – Король Луи-Филипп (1830–1848), свергнутый революцией 1848 г., был последним французским королем.

² ...Иоанна Тальпы, монаха Бергардинского монастыря. – Тальпа по-латыни значит «крот»; Бергардинский название, созвучное названию бернардинского монашеского ордена, распространенного во Франции.

На другое утро, как выражаются обычно (или наутро, как следовало бы сказать), я пошел к одному из них, человеку преклонных лет и тонкого ума.

– Милостивый государь! – сказал я ему. – Прошу вас помочь мне своим просвещенным советом. Я все силы свои полагаю на то, чтобы составить историю, но у меня ничего не выходит!

Он пожал плечами.

– Зачем же, голубчик, так утруждать себя составлением исторического труда, когда можно попросту списывать наиболее известные из имеющихся, как это принято? Ведь если вы выскажете новую точку зрения, какую-нибудь оригинальную мысль, если изобразите людей и обстоятельства в каком-нибудь неожиданном свете, вы приведете читателя в удивление. А читатель не любит удивляться. В истории он ищет только вздора, издавна ему известного. Пытаясь чему-нибудь научить читателя, вы лишь обидите и рассердите его. Не пробуйте его просвещать, он завопит, что вы оскорбляете его верования.

Историки переписывают друг друга. Таким способом они избавляют себя от лишнего труда и от обвинений в самонадеянности. Следуйте их примеру, не будьте оригинальны. Оригинально мыслящий историк вызывает всеобщее недоверие, презрение и отвращение.

– Неужели, сударь, вы думаете, – прибавил мой собеседник, – что я добился бы такого признания и почета, если бы вводил в свои исторические книги какие-нибудь новшества? Ну, что такое новшество? Дерзость – и только!

Он встал. Я поблагодарил его за любезный прием и пошел к двери. Он меня окликнул:

– Еще два слова. Если вы хотите, чтобы ваша книга была хорошо принята, не упускайте в ней ни малейшего повода прославить добродетели, составляющие основу всякого общества: почитание богатства, благочестие и особенно смирение бедняков, этот краеугольный камень общественного порядка. Заверьте читателей, что происхождение собственности, благородного сословия и жандармерии будет рассмотрено в вашем труде с подобающим уважением. Предупредите, что вы допускаете возможность вмешательства сверхъестественных сил в ход исторического процесса. При этих условиях вы стяжаете успех у благомыслящей публики.

Я продумал эти разумные указания и стал всемерно руководствоваться ими в своей работе.

Не буду здесь говорить о пингвинах до их превращения. Они интересуют меня лишь с того момента, когда из области зоологии они перешли в область истории и богословия. Ведь именно пингвины были превращены в людей великим святым Маэлем. Но здесь требуется кое-что разъяснить, поскольку в настоящее время термин «пингвин» дает повод к недоразумениям.

По-французски пингвинами называются арктические птицы, принадлежащие к семейству альцидовых; отряд же сфенисцидовых, населяющих антарктические моря, мы называем маншотами. Такое наименование находим мы, например, у г-на Ж. Лекуэнта³ в его отчете о плавании на «*Belgica*»⁴. «Изо всех птиц, населяющих область Герлахского пролива, – пишет он, – наибольший интерес представляют, несомненно, маншоты. Их иногда ошибочно именуют южными пингвинами». Доктор Ж.-Б. Шарко⁵, напротив, утверждает, что именно тех антарктических птиц, которых мы называем маншотами, и следует считать единственно настоящими пингвинами, и ссылается на то, что у голландцев, достигших в 1598 году Магелланова мыса, эти птицы получили название *pinguinos*, очевидно за свою тучность⁶. Но если маншотов надо

³ Ж. Лекуэнт. В стране маншотов. – Брюссель, 1904, in-8°. (Примеч. авт.)

⁴ «*Belgica*» – норвежское судно, совершившее в 1896–1899 гг. антарктическую экспедицию, первое судно, перезимовавшее в южных льдах.

⁵ Шарко Жан-Батист (1867–1936) – сын известного врача Шарко, видный океанограф; совершил два путешествия в Антарктику (1903 и 1908).

⁶ ...эти птицы получили название *pinguinos*, очевидно, за свою тучность. – Это объяснение носит пародийный характер. В действительности название пингвинов происходит от слов «rep Gwen», что на бретонском языке означает «белая голова».

называть пингвинами, то как же в таком случае будут называться пингвины? Доктор Ж.-Б. Шарко не дает указаний, да, по-видимому, это его ничуть и не заботит⁷.

Ну, что ж! Присваивает ли он впервые своим маншотам название пингвинов или только восстанавливает его, спорить не приходится. Как первый исследователь этих птиц, он тем самым получил право дать им любое название. Но, по крайней мере, пусть предоставит он и северным пингвинам право оставаться пингвинами. Пускай же будут существовать пингвины южные и пингвины северные, антарктические и арктические, альцидовые (или прежние пингвины) и сфенисцидовые (или прежние маншоты). При этом возникнут, быть может, некоторые затруднения для орнитологов, озабоченных описанием и классификацией перепончатопалых; встанет, конечно, вопрос о том, удобно ли, в самом деле, одинаково называть два разные семейства птиц, населяющие полярно противоположные области и отличающиеся к тому же одно от другого целым рядом признаков, как-то: строением клюва, крыльев и лап. Меня же такое несоответствие нисколько не смущает. Сходство между моими пингвинами и пингвинами г-на Ж.-Б. Шарко разносторонней и глубже различий; как для тех, так и для других характерен невозмутимо спокойный, важный вид, какое-то комичное достоинство, дружелюбная доверчивость, добродушное лукавство, неуклюжая торжественность движений. Те и другие миролюбивы, болтливы, чрезвычайно любопытны, отличаются живым интересом к вопросам пингвинской общественной жизни и, быть может, не вполне чужды зависти и тщеславия.

У моих гиперборейцев⁸, по правде сказать, крылья вовсе не чешуйчатые, а покрыты мелкими перышками; хотя ноги у них не так сильно отставлены назад, как у их южных собратьев, но ходят они так же: горделиво, враскачку, грудь колесом, голова кверху; а выдающийся вперед клюв, *os sublime*, послужил одним из важных поводов к ошибке христианского проповедника, принявшего их за людей.

Настоящий труд мой, следует признать, относится к истории в старом понимании этого слова – то есть в известной последовательности излагает события, о коих сохранилась память, и указывает по мере возможности их причины и следствия, – так что принадлежит скорее к области искусства, чем науки. Существует мнение, что подобный метод перестал уже удовлетворять умы, требующие точных знаний, и что древняя Клио, по нынешним временам, попросту болтуня. И, разумеется, когда-нибудь появится история более достоверная, исследующая условия существования, устанавливающая, что производил и потреблял тот или иной народ в ту или иную эпоху в разных областях своей деятельности. Такая история будет уже не искусством, а наукой, соблюдая точность, старой истории недоступную. Но для этого необходимо множество статистических данных, коими народы – и, в частности, пингвины – до сих пор не располагают. Возможно, что современные нации дадут когда-нибудь материал для создания подобного рода истории. Что же касается прошлого, то, боюсь, придется ограничиваться и впредь повествованием на старый лад. Достоинства такого повествования зависят главным образом от проницательности и добросовестности рассказчика.

Как сказал один из великих писателей Альки⁹, жизнь народа соткана из преступлений, бедствий и безумств. Пингвиния в данном случае не исключение, однако в ее истории попадаются страницы, способные даже вызвать восторг, и надеюсь, я достаточно осветил их.

Долгое время пингвины отличались большой воинственностью. Один из них, а именно Жако Философ¹⁰, оставил маленькую картинку их нравов, которую я приведу, – уверен, к удовольствию читателей:

⁷ Шарко Ж.-Б. Дневник французской антарктической экспедиции. – Париж, 1903, 1905, in-8°.

⁸ Гиперборейцы. – Древние греки называли так жителей Севера.

⁹ Алька – слово, созвучное названию группы перепончатопалых птиц, в которую входят пингвины.

¹⁰ Жако Философ. – В этом имени кроется насмешка: Жако принятая во Франции кличка попугаев.

«Мудрый Грациан объезжал Пингвинию во времена последних Драконидов. Однажды, углубившись в зеленеющую долину, где в чистом воздухе звенели колокольчики коровьего стада, он присел отдохнуть на скамью под сенью дуба, возле какой-то хижины. На пороге женщина кормила ребенка грудью; рядом другой ребенок, мальчик, играл с большой собакой; слепой старик, греясь на солнце, впивал полуоткрытыми устами теплоту ясного дня.

Хозяин дома, молодой человек богатырского сложения, предложил Грациану хлеба и молока.

Совершив сельскую трапезу, мудрец из страны дельфинов¹¹ сказал:

– Благодарствуйте, милые жители милой страны! Как всё у вас дышит весельем, сердечным согласием и миром!

В это время мимо прошел пастух, наигрывая на волынке какой-то марш.

– Что это за резкие звуки? – спросил Грациан.

– Это гимн, призывающий к войне с дельфинами, – ответил крестьянин. – У нас все поют его. Младенцы знают его прежде, чем научатся говорить. Все мы – истинные пингины.

– Вы не любите дельфинов?

– Ненавидим!

– По какой же причине вы их ненавидите?

– Что за вопрос! Разве дельфины не соседи пингинам?

– Соседи.

– Ну вот поэтому-то пингины и ненавидят дельфинов.

– Разве это причина для ненависти?

– Разумеется. Сосед – значит враг. Посмотрите на это поле, рядом с моим. Его хозяина я ненавижу больше всех на свете. После него злейшие враги мои – жители вон той деревни, что лепится по горному склону с другой стороны долины, пониже березовой рощи. В ущелье, стиснутом горами, только и есть что две деревни – наша и та: они и враждуют одна с другой. Стоит нашим парням встретиться с их парнями, как сейчас же начинается перебранка, а там и потасовка. И вы хотите, чтобы пингины не питали вражды к дельфинам. Неужели вы не понимаете, что такое патриотизм! Нет, из моей груди рвутся лишь клики: «Да здравствуют пингины! Смерть дельфинам!»

Тринадцать веков подряд пингины вели войны против всех народов на свете – с неослабевающим пылом, хотя и с переменным успехом. Потом, за какие-нибудь несколько лет, они прониклись отвращением к тому, что так долго любили, и стали отдавать решительное предпочтение миру, выражая новые чувства, конечно, с подобающей сдержанностью, но от всей души. Их генералы прекрасно приспособились к новым веяниям; вся армия, офицеры, унтер-офицеры, рядовые, новобранцы и ветераны не за страх, а за совесть прониклись этим духом. Одни только бумагомайки и библиотечные крысы выражали недовольство, да безногие инвалиды все никак не могли утешиться по поводу такой перемены.

Упомянутый Жако Философ составил нечто вроде нравоучительного рассказа, где с большой комической силой были изображены разные деяния человечества; для этого рассказа он позаимствовал многие черты из истории своей собственной страны, своего народа. Некоторые спрашивали его, зачем он создал эту карикатуру на историю человечества и какую пользу может она принести его родине.

– Превеликую пользу, – отвечал философ. – Когда мои соотечественники-пингины узрят себя представленными на такой манер и лишенными всяких прикрас, они будут справедливее судить о своих деяниях и, быть может, станут разумнее.

Я старался не упустить в своей истории ничего, способного заинтересовать людей искусства. Они найдут здесь особую главу, посвященную пингинской живописи средних веков, и

¹¹ Дельфинов... – Автор имеет в виду англичан.

если мне не удалось развить эту тему с той полнотой, как хотелось бы, то не по моей вине, в чем можно убедиться, прочтя о страшном случае, описанием которого я и заканчиваю настоящее предисловие.

В июне прошлого года я возымел мысль посоветоваться по поводу происхождения и развития пингвинского искусства с незабвенным Фульгенцием Тапиром, просвещенным автором «Всеобщего летописания живописи, ваяния и зодчества».

Меня проводили к нему в кабинет, и за письменным столом с цилиндрической крышкой, среди невероятного нагромождения бумаг, я увидел маленького человечка в золотых очках, беспрестанно мигающего подслеповатыми, чрезвычайно близорукими глазками.

Компенсируя недостаток зрения, он исследовал внешний мир своим длинным подвижным носом, наделенным тончайшей чувствительностью. При помощи этого органа Фульгенций Тапир и общался с царством красоты и искусства. Установлено, что во Франции музыкальные критики по большей части глухи, а критики в области живописи – слепы. Это помогает им самоуглубляться, что необходимо для эстетического мышления. Если бы Фульгенций Тапир обладал зрением, способным различать формы и краски, облекающие полную тайн природу, – разве достиг бы он, преодолев гору документов, опубликованных в печати и рукописных, вершины доктринального спиритуализма? Разве воздвиг бы он величайшую теорию, согласно которой искусство всех времен и народов в своем развитии устремлено было к единой высокой цели – Французскому Институту!

На стенах кабинета, на полу, даже под потолком громоздились кипы бумаг, чудовищно разбухшие папки, ящики, набитые неисчислимым множеством карточек, – и, полный восхищения, а вместе с тем и ужаса, я созерцал эти хляби учености, готовые разверзнуться.

– Дорогой мэтр, – произнес я взволнованно, – прибегаю к вашей неисчерпаемой снисходительности и таким же неисчерпаемым познаниям. Не согласитесь ли вы руководить моими изысканиями в столь трудной области, как происхождение пингвинского искусства?

– Милостивый государь, – отвечал мне мэтр, – в моем распоряжении все искусство, да, да, все искусство, разнесенное на карточки в алфавитном порядке, а также по содержанию. Считаю своим долгом предоставить вам все относящееся к пингвинам. Поднимитесь на эту стремянку и выдвиньте вон тот ящик, наверху. Вы найдете в нем все, что вам надобно.

Я повиновался, весь дрожа. Но едва я выдвинул злополучный ящик, как из него посыпались голубые карточки и, скользя у меня между пальцев, полились дождем. Вслед за этим, – видимо, из чувства солидарности, – пооткрывались соседние ящики, и оттуда вырвались целые потоки карточек, розовых, зеленых, белых, а после этого один за другим все ящики стали извергать карточки разного цвета, и те с шумом хлынули вниз, подобно горным водопадам апрельскою порой. В одну минуту пол покрылся толстым слоем бумаги. Изливаясь с возрастающим гулом из своих неисчерпаемых хранилищ, она все яростней обрушивалась с высоты. Утопая в ней по колени, Фульгенций Тапир при помощи своего внимательного носа следил за катаклизмом. Он понял причину происшедшего и побледнел от ужаса.

– Сколько искусства! – воскликнул он.

Я позвал его, наклонился, чтобы помочь ему взобраться на лестницу, начинавшую гнуться под ливнем. Слишком поздно! Подавленный, полный отчаяния, жалкий, потеряв свою бархатную ермолку и золотые очки, тщетно отбивался он коротенькими ручками от новых и новых волн, захлестнувших его по самые плечи. Вдруг налетел целый смерч карточек и закружил его в гигантском водовороте. На какую-то секунду в пучине промелькнула блестящая лысина ученого и его толстенькие ручки, затем бездна сомкнулась – ни звука, ни движения, а над нею продолжал бушевать потоп. Чтобы самому не утонуть подобным же образом на стремянке, я выскочил наружу, проломив верхнее стекло окна.

Киберон. 15 сентября 1907 г.

Книга первая. Происхождение

Глава I. Жизнь святого Маэля

Маэль, отпрыск камбрийского королевского рода, был на девятом году жизни отдан в Ивернское аббатство, ради книжного обучения, духовного и светского. В возрасте четырнадцати лет он отказался от наследства и принес обет служения Господу. Сообразно с монастырским уставом, он посвящал свое время пению гимнов, занятиям грамматикой и размышлениям над вечными истинами.

Вскоре же небесное благоухание возвестило всему монастырю о добродетелях нового инока. И когда преставился настоятель Ивернской обители, блаженный Галл, то молодой Маэль стал его преемником в управлении монастырем. Он устроил там школу, больницу, странноприимный дом, кузницу, мастерские всякого рода, судостроительные верфи, а также заставил монашескую братию распахать близлежащие земли. Он сам возделывал монастырский сад, обрабатывал металлы, наставлял послушников, и жизнь его текла безмятежно, подобно реке, отражающей небо и несущей плодородие окрестным нивам.

На склоне дня сей служитель господина имел обыкновение сидеть на краю обрывистого берега, в том месте, которое и поныне называют креслом св. Маэля. А внизу, у ног его, огромные скалы, похожие на черных драконов, поросшие зелеными и бурыми водорослями, выставляли навстречу пенным волнам свои чудовищные груди. Он смотрел, как солнце опускается в океан, алое, будто вино причастия, и обогрывает славной кровью своей облака в небесах и гребни морских волн. И праведник прозревал в этом образе тайну креста, на котором пролита была божественная кровь, облекшая всю землю царской багрянницей. В открытом море виднелась темно-синяя полоса – берег острова Гад, где св. Бригита, принявшая пострижение от св. Мало, управляла женским монастырем.

Наслышанная о заслугах преподобного Маэля, Бригита высказала желание получить как драгоценнейший дар какое-либо изделие его рук. Маэль отлил для нее медный колокольчик и, закончив работу над ним, благословил его и бросил в море. И колокольчик, звеня, поплыл к берегам острова Гад, где св. Бригита, услышав над волнами медный звон, благоговейно приняла дар и, в сопровождении своих духовных дочерей, под пение псалмов, торжественно перенесла его в монастырскую часовню.

Так праведник Маэль совершенствовался в добродетелях. Он уже прошел две трети жизненного пути и надеялся дождаться безмятежной кончины среди братии своих во Христе, как вдруг ему было знамение, возвещающее о том, что божественная мудрость располагает иначе и что Господь призывает его к трудам не столь мирным, но не менее славным.

Глава II. Апостольское призвание святого Маэля

Однажды, погруженный в раздумье, шел он по берегу спокойной маленькой бухты, защищенной, словно естественной плотиной, грядою скал, выдавшихся далеко в море, – и вдруг он увидел каменное корыто, плывущее по водам, подобно ладье.

А ведь в каменных чанах св. Гирек, великий св. Коломбан, шотландские и ирландские монахи отправлялись проповедовать Евангелие в Арморике. И еще недавно св. Авойя, прибыв из Англии, поплыла вверх по течению реки Орэ в ступе из розового гранита – той самой, куда впоследствии сажали детей, чтобы они росли сильными; святой же Вуга переправился из Ибернии в Корнуэльс на скале, – потом ее обломки, сохранившиеся в Пенмархе, начали исцелять от лихорадки, стоило богомольцам приложиться к ним головой; св. Самсон приплыл в залив близ горы Св. Михаила в гранитном чане, впоследствии названном мисой св. Самсона. Вот почему при виде этого каменного корыта св. Маэль понял, что Господь предназначил его для просвещения язычников, еще во множестве обитавших по бретонским островам и на побережье.

Он вручил свой ясеневый посох Будоку, человеку святой жизни, тем самым передавая ему управление обителью. Затем, захватив с собою каравай хлеба, бочонок пресной воды и святое Евангелие, сел в каменное корыто, и оно тихо поплыло с ним к острову Эдику.

На острове этом постоянно бушуют ветры. Бедняки ловят там рыбу в расщелинах между скал и с трудом выращивают кое-какие овощи на песчаной и каменистой земле своих огородов, окруженных либо невысокой каменной стеною сухой кладки, либо тамарисковой изгородью. В лощине росла могучая смоковница, широко раскинувшая ветви. Островитяне поклонялись ей как божеству.

И сказал им Маэль, человек святой жизни:

– Вы поклоняетесь этому дереву, потому что оно прекрасно. Значит, вы чувствительны к красоте. Так вот, я пришел раскрыть перед вами красоту сокровенную.

И он проповедал им Евангелие. И, наставив их, окрестил солью и водой.

Морбиганские острова были в те времена многочисленнее, чем ныне. Ибо с тех пор многие из них погрузились в море. На шестидесяти островах проповедал св. Маэль христианскую веру. Затем в своем гранитном корыте он поднялся вверх по реке Орэ и после трехчасового плавания вышел на берег перед каким-то римским домом. Над крышей вился дымок. Святой переступил порог, украшенный мозаичным изображением собаки с ощеренными зубами и напряженными мускулами лап. Его приняли в этом доме престарелые супруги – Марк Комбаб и Валерия Мэрэнс, жившие плодами своей земли. Вокруг внутреннего двора высились колонны портика, снизу до половины выкрашенные в красный цвет. В стене был устроен фонтан из раковин, а под портиком стоял алтарь с нишей, куда хозяин дома поместил терракотовых идолов, побеленных известкой. Некоторые из них изображали крылатых детей, другие – Аполлона или Меркурия, а иные были в виде нагой женщины, выжимающей воду из волос. Разглядывая эти фигурки, св. Маэль нашел среди них изображение молодой матери с младенцем на коленях.

Тотчас же, указывая на нее, он сказал:

– Это пресвятая дева, мать божья. Поэт Вергилий возвестил о ней в сивиллиных песнях¹² еще до ее рождения и ангельским голосом воспел ее: «*Jam redit et virgo*»¹³. И среди языч-

¹² Поэт Вергилий возвестил о ней в Сивиллиных песнях... – Сивиллы древнегреческие странствующие пророчицы. Далее приведено начало стиха из 4-й эклоги древнеримского поэта Вергилия (70–19 гг. до н. э.). Дева, о которой идет речь в стихотворении, – богиня справедливости, дева Дике; согласно мифу, она покинула землю, но, по мысли поэта, вернулась к людям с воцарением в Риме императора Августа (42–14 гг. до н. э.). Средневековые богословы истолковали это место у Вергилия как предсказание о пришествии девы Марии.

¹³ Дева вернулась уже (*лат.*).

ников распространены были фигурки, пророчествующие о ней, подобно вот этой на твоём алтаре, о Марк! Она, без сомнения, была благосклонна к твоим скромным дарам. Таким-то образом все послушно следующие естественному закону уже подготовлены к тому, чтобы воспринять откровение истины.

Марк Комбаб и Валерия Мэрепс, просвещенные этой речью, обратились в христианскую веру. Они приняли святое крещение вместе с их юной вольноотпущенницей Целией Авителлой, которую любили, как свет своих очей. В тот же день отреклись от язычества и были крещены все колонны¹⁴.

Марк Комбаб, Валерия Мэрэнс и Целия Авителла посвятили с тех пор свою жизнь подвигам добродетели. А после праведной кончины были причислены церковью к лику святых.

Так на протяжении тридцати семи лет блаженный Маэль просвещал язычников внутренних областей. Его тщанием воздвигнуто было двести восемнадцать часовен и семьдесят четыре монастыря.

Но вот однажды, пребывая в городе Ванн и проповедуя там Евангелие, прослышал он, что в его отсутствие ивернские монахи отступили от устава св. Галла¹⁵. Тотчас же, рьяный, как насадка, собирающая своих цыплят, поспешил он к заблудшим чадам своим. Ему шел тогда уже девяносто седьмой год; но, согбенный годами, он сохранял еще силу в руках, а звуки его голоса широко разносились вокруг, как зимний снег по глубоким долинам.

Аббат Будок вернул св. Маэлю ясеневый посох и поведал ему о том жалком состоянии, в коем находился монастырь. Монахи рассорились из-за того, когда надлежит праздновать Пасху. Одни стояли за римский календарь, другие – за греческий, и обитель раздирали ужасы хронологического раскола.

Царила в ней и другая причина беспорядков. Монахини острова Гад, в прискорбном забвении бывшей добродетели, то и дело подплывали в лодке к ивернскому берегу. Монахи принимали их в странноприимном доме, и греховный соблазн распространялся все больше и больше, приводя в отчаяние благочестивые души.

Свое правдивое повествование аббат Будок закончил следующими словами:

– Появление этих инокинь погубило невинность и покой наших монахов.

– Готов этому поверить, – отвечал блаженный Маэль. – Ибо женщина – это ловко расставленная западня. Только почуял ее – и уже попался. Увы, восхитительная прелесть этих созданий издали действует еще сильнее, чем вблизи. И чем меньше они удовлетворяют страстное желание, тем больше внушают его. Именно потому и сказал поэт, обращаясь к одной из них:

Вы здесь – от вас бегу, вас нет – я снова с вами.

Оттого-то мы и видим, сын мой, что приманки плотской любви более властны над отшельниками и монахами, нежели над мирянами. Бес похоти всю жизнь искушал меня разными способами, и самым сильным искушениям подвергался я вовсе не при встрече с какой-либо женщиной, даже прекрасной и благоуханной. Они порождались во мне образом женщины отсутствующей. Еще и поныне, на закате дней моих, когда я вступаю в девяносто восьмой год жизни, враг рода человеческого нередко вводит меня в грех против целомудрия, по крайней мере в помыслах моих. По ночам, когда я забну на своем ложе и старые кости мои глухо стучат одна о другую, я слышу чьи-то голоса, читающие мне второй стих третьей Книги Царств: «И сказали ему слуги его: пусть поищут для Господина нашего, царя, молодую девицу, чтобы она предстояла царю, и ходила за ним, и лежала с ним, и будет тепло Господину нашему, царю». И диавол показывает мне отроковицу в расцвете первой юности, и она говорит мне: «Я – твоя Ависага. Я – твоя Сунамиянка, Господин мой, дай мне место на ложе твоём»¹⁶.

¹⁴ Колон – мелкий земледелец в рабовладельческом Риме, юридически свободный, но фактически прикрепленный к земле.

¹⁵ Св. Галл (551–646) – христианский проповедник в Ирландии, основатель в Швейцарии Сен-Галленского аббатства.

¹⁶ «Я твоя Ависага. Я твоя Сунамиянка...» – Согласно Библии, юная сунамиянка Ависага была подругой старости царя

– Поверьте мне, – добавил старик, – только особая милость божья помогает монаху блюсти целомудрие в делах и в помыслах.

Приступив к восстановлению в монастыре мира и чистоты нравов, он исправил календарь сообразно хронологическим и астрономическим исчислениям и обязал всех монахов отныне его придерживаться; падших духовных дочерей св. Бригиты он отослал в их обитель, – однако не только не изгнал их с позором, но велел проводить на корабль с пением псалмов и литаний.

– Окажем уважение им, как дочерям Бригиты и невестам Христовым! – говорил он. – Не уподобимся фарисеям, лицемерно презирающим грешниц. Нужно унизить в этих женщинах грех, а не их самих, и заставить их стыдиться содеянного, а не самих себя: ведь они – создания божьи.

И святой обратился к своим монахам с увещанием соблюдать монастырский устав.

– Когда над кораблями не властвует кормило, – говорил он, – над ними властвуют подводные скалы.

Глава III. Испытание святого Маэля

Не успел блаженный Маэль восстановить благочиние в Ивернском аббатстве, как до него дошла весть, что жители острова Эдика, первые его новообращенные, самые дорогие его сердцу, снова впали в язычество и снова стали вешать венки из цветов и шерстяные повязки на ветви священной смоковницы.

Лодочник, принесший это прискорбное известие, высказал опасение, как бы эти заблудшие не предали огню и разорению воздвигнутую на берегу острова часовню.

Святой решил незамедлительно навестить неверных чад своих, дабы вернуть их на стезю истинной веры и удержать от святотатственных бесчинств. Подойдя к бухте, где стояло на причале его каменное корыто, он обратил свои взоры на судостроительные верфи, уже тридцать лет как сооруженные им в глубине бухты и в этот час оглашаемые визгом пил и стуком молотков.

И тут диавол, неутомимый в своих кознях, вышел из верфей, приблизился к святому, приняв обличье одного из монахов, по имени Самсон, и стал так искушать его:

– Отец мой, жители острова Эдика непрерывно предаются греху. С каждым мгновением они все больше удаляются от бога. Они уже готовы предать огню и разорению часовню, воздвигнутую трудами славных рук твоих на берегу острова. Время не терпит. Не полагаешься ли ты, что твое каменное корыто быстрее пойдет по водам, если оснастить его как судно, снабдив рулем, мачтой и парусом? Ведь тогда тебе будет помогать ветер. Руки твои еще сохранили силу и способны управлять судном. А также неплохо бы к передней части твоего апостолического корыта приладить острый волнорез. В своей мудрости ты сам, должно быть, уже подумал об этом.

– Конечно, время не терпит, – отвечал святой старец. – Но поступить по твоему совету, сын мой Самсон, – не значит ли уподобиться маловеерам, не желающим положиться на помощь божью? Не значит ли это презреть дар самого господя, пославшего мне каменное корыто без всякой оснастки и без паруса?

На этот вопрос диавол, превеликий богослов, ответил другим вопросом:

– Но, отец мой, похвально ли будет ждать сложа руки помощи свыше и спрашивать все у всемогущего, вместо того чтобы действовать по человеческому разумению, своими силами?

– Конечно нет, – ответил св. Маэль. – Отказываться действовать по человеческому разумению – значит искушать господя Бога.

– А в наших обстоятельствах, – продолжал диавол, – не велит ли человеческое разумение оснастить корыто?

– Это было бы так при невозможности другим способом поспеть вовремя к цели.

– Хе-хе, значит, твое корыто так быстроходно?

– Оно так быстроходно, как это угодно Господу богу.

– Что ты об этом знаешь? Оно способно двигаться не быстрее, чем мул нашего аббата Будока. Это просто старый башмак. Разве нам возбраняется прибавить ему быстроты?

– Сын мой, доводы твои блестящи, но чрезмерно смелы. Не забывай, что корыто мое обладает чудесным свойством.

– Все это так, отец мой. Гранитное корыто, плавающее по воде, как пробка, несомненно обладает чудесным свойством. Но что из этого следует?

– Я в большом затруднении. Надлежит ли совершенствоваться человеческими, естественными средствами столь чудесное судно?

– Отец мой, если ты потеряешь правую ногу и господь вернет ее тебе, будет ли такая нога чудесной?

– Несомненно, сын мой.

– Будешь ли ты обувать ее?

– Разумеется.

– Так вот, если ты допускаешь, что можно обувать в простой башмак чудесную ногу, то должен допустить и простую оснастку для чудесного судна. Это ясно как день! Ах, отчего даже у самых праведных людей дух подвержен порою затмению и нерешительности! Казалось бы, кто из вероучителей Бретани достиг большей славы, кто более способен свершать дела, достойные вечной хвалы?.. Но дух медлителен, и руки ленивы. Что ж, отец мой, прощай. Плыви себе полегоньку, а когда достигнешь наконец берегов Эдика, полюбуйся дымом пожарища на месте часовни, воздвигнутой и освященной твоими руками. Язычники сожгут ее – и с нею бедного диакона, поставленного тобою, который будет поджарен, как колбаса.

– Я в великом смущении, – отвечал слуга Господень, отирая рукавом выступивший на лбу пот. – Но послушай, сын мой Самсон, ведь не так-то легко будет оснастить это каменное корыто. И, взявшись за такую работу, не потеряем ли мы время, вместо того чтобы выиграть его?

– Ах, отец мой, – воскликнул диавол, – не успеет один только раз просыпаться песок в часах, как все будет готово. Мы найдем необходимые снасти на верфях, некогда заложенных тобою здесь, на берегу, и на складах, обильно снабжаемых благодаря твоим заботам. Я собственноручно оснащу корыто. Ведь до поступления в монастырь я был матросом и плотником, да и на кое-что другое неплохим мастером. Приступим!

И вот он увлекает святого в сарай, полный всяких принадлежностей для мореплавания.

– Забирай, отец мой!

И взваливает ему на спину парус, мачту, гафель и гик.

Затем, сам нагрузившись форштевнем и рулем с кормовой частью киля, прихватив мешок со столярным инструментом, бежит он к берегу, таща за полы святого мужа, а тот едва поспевает за ним, задыхаясь, весь в поту, согбенный под тяжестью паруса и деревянных снастей.

Глава IV. Плавание святого Маэля по Ледовитому океану

Подоткнув свою одежду к самым подмышкам, диавол вытащил корыто на песок, и не прошло и часу, как оснастил его.

Лишь только св. Маэль взошел на борт, корыто на всех парусах стало разрезать волны с такою быстротой, что берег вскоре исчез из виду. Старец правил на юг, намереваясь обогнуть Лендз-Энд. Но непреодолимое течение относило его к юго-западу. Проплыв вдоль южного берега Ирландии, судно вдруг повернуло к северу. Вечером ветер посвежел. Тщетно пытался Маэль свернуть парус. Корыто неистово несло вперед, к баснословным морским далям.

В лунном свете пышнотелые северные сирены, с волосами цвета конопли, плавали вокруг, выставляя из воды свои белые груди и розовые бедра; они ударили изумрудными хвостами по вспененным волнам под мерные звуки своей песни:

Куда тебя, кроткий Маэль,
Несет, обезумев, корыто?
Вздувается парус на нем, —
Так грудь у Юноны вздымалась,
Млечный Путь в небесах оставляя.

Некоторое время они, при свете звезд, преследовали его гармоническим смехом. Но корыто шло во сто крат быстрее красной ладьи викинга, и буревестники, настигнутые на лету, запутывались лапами в волосах святого мужа.

Вскоре поднялась буря, и, гонимое яростным ветром сквозь мрак и вой, корыто летело, как чайка, среди тумана и клокочущих волн.

После этой ночи, длившейся трое суток, пелена мрака внезапно разорвалась. И вдали, на самом горизонте, святой муж увидел берег, сверкающий ярче алмаза. Берег рос на глазах, и вскоре, при ледяном свете солнца, застывшего низко в небе, перед Маэлем возник над волнами белый город с пустынными улицами; более обширный, чем стовратные Фивы¹⁷, он далеко, насколько видит глаз, простирал развалины своего снежного форума, своих дворцов, одетых изморозью, хрустальных арок, обелисков, переливающихся перламутровым блеском.

Океан был весь в плавающих льдинах, среди которых ныряли моржи с диким и кротким взглядом. Пронесся Левиафан¹⁸, извергая к самым облакам целый столб воды.

Между тем на ледяной глыбе, плывущей рядом с каменным корытом, Маэль увидел белую медведицу с медвежонком у груди и слышал, как она тихо прошептала стих из Вергилия: «*Incipe, parve puer...*»¹⁹

И старец заплакал, полный печали и смятения.

Бочонок с пресной водою лопнул, так как вода в нем замерзла. Чтобы утолить жажду, Маэль сосал льдинки. И ел хлеб, пропитанный соленой водою. Волосы в бороде и на голове его стали ломкими, как стеклянные. Обледенелая одежда при каждом движении царапала ему тело. Чудовищные волны поднимались вокруг, разверзая на старца свои покрытые пеной пасти. Раз двадцать лодку затопляло водой. Святое Евангелие в пурпурном переплете с золотым крестом, столь заботливо хранимое проповедником, было поглощено океаном.

¹⁷ Фивы — один из семи крупнейших городов Древнего Египта.

¹⁸ Левиафан — морское чудовище, упоминаемое в Библии; изображался в виде огромного кита.

¹⁹ Маленький мальчик, начни... (*лат.*) Маленький мальчик, начни... Строка из четвертой эклоги Вергилия. В средние века эти слова считались пророчеством о пришествии Христа.

Но вот, на тридцатый день, море успокоилось. И вдруг, под ужасающий грохот в небесах и на водах, ослепительно белая гора высотой в триста футов надвинулась на каменное корыто. Маэль правит в сторону, но румпель в руках его ломается. Чтобы избежать столкновения со скалой, он хочет свернуть часть паруса. Но когда он пытается подвязать линьки, ветер вырывает их у него из рук, и трос, резко выскальзывая из рук, обжигает ему ладони нестерпимой болью. И он видит трех демонов с черными кожистыми крыльями, усеянными множеством крючков: повиснув на мачте, демоны дуют в парус.

При виде их он понимает, что поддался наущениям врага рода человеческого, и осеняет себя крестным знаменем. И сразу же бешеный порыв ветра, в котором слышатся рыдания и вой, поднимает каменное корыто, уносит мачту и парус, срывает руль и волнорез.

И корыто, отнесенное течением в сторону, опустилось в спокойных водах. Преклонив колени, святой муж возблагодарил господ за спасение из диавольской западни. Тут он снова увидел на ледяной глыбе медведицу-мать, говорившую человеческим голосом среди бури. Она прижимала к груди свое любимое дитя, а в лапах держала книгу в пурпурном переплете с золотым крестом. Подплыв на своей льдине к гранитному корыту, она приветствовала святого мужа словами: «*Pax tibi, Mael!*»²⁰ – и протянула ему книгу.

Святой муж узнал свое Евангелие и, изумленный, огласил потеплевший воздух гимном во славу творца и его творения.

²⁰ Мир тебе, Маэль! (*лат.*)

Глава V. Крещение пингвинов

Отнесенный течением в сторону, святой муж через час пристал к узкой береговой полосе, ограниченной островерхими горами. Целый день и целую ночь шел он вдоль берега, обходя скалы, высившиеся непреодолимой преградой. И таким образом убедился, что попал на округлый остров, посередине которого возвышалась увенчанная облаками гора.

С восторгом впивал он свежее дыхание влажного ветра. Шел дождь, и дождь этот был так сладостен, что святой муж сказал Господу:

– Господи, остров сей – остров слез покаянных.

Взморье было безлюдно. Изнемогая от усталости и голода, он сел на камень и увидел рядом с собою, в углублении камня, птичьи яйца, желтые, в черных крапинках и по размерам сходные с лебедиными. Но он не притронулся к ним, говоря:

– Птицы – живые славословия Господу. Не хочу, чтобы хоть одно из этих славословий исчезло по моей вине.

И стал жевать лишайники, росшие в расселинах камня.

Святой муж обошел уже почти весь остров, не встретив никаких обитателей, как вдруг обнаружил на своем пути обширную круглую площадь, замкнутую бурыми и рыжими скалистыми горами, которые звенели множеством водопадов и уходили голубоватыми вершинами под самые облака.

Глаза у старца были обожжены сиянием полярных льдов. Но все же набухшие веки пропускали еще слабый свет. И он различил какие-то живые существа, громоздившиеся на выступах скал, подобно человеческой толпе на ступенях амфитеатра. А в то же время и уши его, оглушенные ревом морских волн, казалось, различили слабые звуки голосов. Полагая, что перед ним люди, еще живущие лишь по естественным Законам, и что Господь послал его к этим людям, дабы наставить их в законе божеском, он стал проповедовать им Евангелие.

Взобравшись на высокий камень посередине этого природного амфитеатра, он обратился к ним со словами:

– Островитяне! Хоть вы и малорослы, но больше похожи на сенаторов некоего благоустроенного государства, чем на толпу рыболовов и моряков. Степенные, молчаливые, спокойные, вы на своем собрании посреди этих диких скал подобны римским отцам города, сошедшимся на совещание в храм Победы, или, скорей, даже афинским философам, дискутирующим на скамьях Ареопага. Конечно, вы не обладаете ни их ученостью, ни их дарованиями, но, быть может, в глазах господ нашего вы их и превосходите. Я догадываюсь, что вы простодушны и добры. Обойдя берега вашего острова, я не обнаружил ни следов смертоубийства, ни признаков кровопролития, ни вражеских голов или скальпов, вздетых на высокие шесты или пригвожденных к сельским воротам. Мне кажется, вы не знаете ремесел и не обрабатываете металлов. Но сердца ваши чисты и руки не запятнаны греховными делами. И истина легко проникнет к вам в души.

Однако те, кого он принял за людей, хоть и малорослых, но степенных, были пингвины, собравшиеся на птичий базар, как это бывает весной, – они сидели парами на естественных выступах скалистой горы, а большие белые животы придавали им величественную осанку. Порою они взмахивали своими короткими, похожими на руки крыльями и мирно покрикивали. Они не боялись людей, так как не знали их и никогда не видели от них зла, а от этого монаха веяло такой кротостью, что он внушал доверие самым пугливым животным – и пингвинам чрезвычайно понравился. С дружественным любопытством каждый из них обратил к нему свой круглый глазок с белой овальной каемкой, удлиняющей его спереди и придающей взгляду нечто странное и как бы человеческое.

Тронутый их невозмутимым спокойствием, святой стал проповедовать им Евангелие:

– Островитяне, сей земной день, только что взошедший над вашими скалами, есть образ духовного дня, восходящего в душах ваших. Ибо я несу вам внутренний свет; несу свет и тепло духовные. Подобно тому как солнце растапливает ледники у вас на горах, Иисус Христос растопит лед сердец ваших.

Так говорил старец. А всюду в природе один голос вызывает в ответ другой, и все живое на земле любит песенную переключку, – вот почему на слова старца откликнулись все пингвины глотки. И голоса были нежны, так как это время года для пингвинов – пора любви.

Святой, убежденный, что пред ним племя идолопоклонников и что они на своем языке признали истинность христианской веры, тут же предложил им принять крещение.

– Полагаю, что вы часто купаетесь, – сказал он им. – Ведь все впадины этих скалистых гор полны чистой воды, и я сам, идя сюда, видел, как многие из вас погружались в эти естественные купели. Так знайте же, что чистота телесная есть образ чистоты духовной.

И он поведал им о происхождении, природе и последствиях крещения.

– Крещение, – объяснил он, – это Присоединение, Возрождение, Восстановление, Просвещение.

И растолковал им это по пунктам.

А затем, предварительно благословив воду горных водопадов и творя очистительные молитвы, он окрестил новообращенных, пролив каждому на голову каплю воды и произнеся при этом священные слова.

Так в течение трех дней и трех ночей крестил он птиц.

Глава VI. Совещание в раю

Когда вести о крещении пингвинов дошли до рая, они вызвали там не радость, не печаль, но крайнее удивление. Сам Господь бог не знал, как быть. Он созвал ученых и богословов, чтобы обсудить с ними вопрос, имеет ли такое крещение силу.

– Никакой! – заявил св. Патрик²¹.

– Почему никакой? – спросил св. Галл, просветитель Корнуэльса, воспитавший святого мужа Маэля для апостольских трудов.

– Таинство крещения недействительно, – отвечал св. Патрик, – если оно совершено над птицами, подобно тому как недействительно таинство брака, если оно совершено над евнухом.

Но св. Галл возразил:

– Что же общего между крещением птиц и браком евнуха? Ровно ничего! Брак есть таинство условное, так сказать, предвосхищающее. Священник заранее благословляет некий акт; совершенно очевидно, что в случае, если этот акт не осуществится, благословение не будет иметь действия. Это каждому ясно. В земной своей жизни я знал в городе Антриме богатого человека по имени Садок. Он состоял в сожительстве с одной женщиной и прижил с нею девять детей. В старости, уступая моим увещаниям, он согласился обвенчаться с нею, и я благословил их союз. К несчастью, преклонные лета не позволили Садоку осуществить этот брак. Немного времени спустя он лишился всех своих богатств, и Термина (так звали женщину), будучи не в силах выносить такую нужду, просила о расторжении брака, оставшегося неосуществленным. Папа исполнил эту просьбу, ибо она была справедлива. Вот как обстоит дело с таинством брака. Что же касается крещения, то оно не ограничено никакими условиями и оговорками. Не может быть сомнений: таинство над пингвинами совершено.

Когда попросили поделиться своим мнением по этому поводу св. Дамасия, папу, он высказался следующим образом:

– Чтобы определить, имеет ли крещение силу и вызовет ли оно нужные последствия, то есть освятит ли крещаемых, следует знать, кто его совершает, а не над кем оно совершается. В самом деле, освящение, происходящее при этом таинстве, есть результат внешнего действия, совершенного над крещаемым, меж тем как сам он в своем освящении не принимает никакого участия; будь это иначе, не крестили бы новорожденных. И чтобы крестить, нет надобности в каких-либо особых условиях, нет необходимости пребывать в состоянии благодати, – достаточно возыметь намерение поступить сообразно с указаниями церкви – произнести священные слова и исполнить предписываемый обряд. А нельзя сомневаться в том, что преподобный Маэль соблюл все эти условия. Следовательно, пингвины крещены.

– Вот как? – спросил св. Гвенолий. – Тогда, по-вашему, что ж такое крещение? Крещение – это акт обновления, при котором крещаемый вновь рождается из воды и духа, ибо, войдя в воду весь запятанный грехами, он выходит из нее новопосвященным христианином, совершенно другим существом, предуготовленным к подвигам праведности; в крещении, как в зерне, заключено бессмертие; крещение – залог воскресения; крещение есть сопребение с усопшим Христом и совосстание с ним из гроба. Сей дар – не для птиц! Посудите сами, отцы! Крещением смывается первородный грех, но ведь пингвины не зачаты в грехе; оно освобождает от наказания за грехи, но ведь пингвины не грешат; оно осеняет благодатью и готовит к добродетельной жизни, соединяя христиан с Иисусом Христом, как части тела соединены с головою, но ведь нельзя допустить и мысли, чтобы пингвины могли украшаться добродетелями

²¹ Св. Патрик, по церковному преданию, проповедник, живший в середине V в. и обративший в христианство жителей Ирландии (кельтов).

наподобие христианских исповедников, дев и вдовиц, могли осеняться благодатью и приобщаться к...

Святой Дамасий не дал ему окончить.

– Это доказывает только, что крещение было напрасно, – живо заметил он, – но отнюдь не доказывает, что оно недействительно.

– Однако в таком случае, – отвечал ему св. Гвенолий, – можно крестить во имя отца и сына и святого духа, погружением в воду или окроплением, не только птиц и четвероногих, но также и неодушевленные предметы – статуи, столы, стулья и тому подобное. И такое животное стало бы христианином, такой идол, такой стол были бы христианами? Что за нелепость!

Затем взял слово св. Августин²². Его выслушали в глубоком молчании.

– Я сейчас покажу вам на примере могущество ритуала, – сказал пламенный епископ Гиппонский. – Правда, дело идет о заклятии дьявольском. Но если установлено, что ритуал, внушенный дьяволом, оказывает действие на неразумных животных или даже на неодушевленные предметы, как же усомниться в том, что священный ритуал оказывает действие на разум животных и на косную материю? Вот пример.

При жизни моей была в городе Мадавре, на родине философа Апулея²³, одна волшебница, умевшая привлекать к себе на ложе любого мужчину: для этого ей достаточно было сжечь на своем треножнике несколько волосков с головы ее избранника, подкладывая при этом в огонь какие-то травы и произнося какие-то слова. Но однажды, пожелав таким способом добиться любви некоего юноши, она введена была в обман своею служанкой и вместо волосков с головы юноши сожгла клочок шерсти, выдернутый из козлиной шкуры, которая служила кабатчику мехом для вина. И вот ночью мех этот, полный вином, сорвался со стены и проскакал через весь город прямо к порогу волшебницы. Случай совершенно достоверный. В таинстве, как и в волшебстве, все зависит от соблюдения формы. Действие божественного ритуала не может быть слабее и ограниченной, чем действие ритуала адского.

Высказавшись таким образом, великий Августин сел на свое место под шум рукоплесканий.

Какой-то блаженный муж преклонных лет и унылого вида попросил слова. Никто не знал его. Он звался Пробой²⁴ и не числился в списке канонизированных святых.

– Прошу прощения у почтенных слушателей. У меня нет ореола, и я не прославлен блестящими подвигами, хоть и достиг вечного блаженства. Но после всего сказанного великим святым Августином я считаю уместным поделиться с вами собственным жестоким опытом, благодаря которому я узнал, чем обусловлена действенность таинства. Справедливо сказал епископ Гиппонский: в таинстве все зависит от ритуала. В ритуале – его сила, в ритуале и его слабость. Выслушайте, исповедники и священнослужители, мою горестную повесть. Я был священником в Риме, в правление императора Гордиана²⁵. Не отличаясь выдающимися заслугами, подобными вашим, я все же с благоговением отправлял свои священнические обязанности. Сорок лет священствовал я при церкви святой Модесты-за-стенами. Жизнь моя протекала размеренно. Каждую субботу я ходил к кабатчику по имени Бархас, занимавшему со своими амфорами помещение у Капенских ворот, и покупал у него вино, дабы освящать его ежедневно всю неделю. За долгий срок моего священства не случилось ни разу, чтобы я не отслужил утром обедни с пресуществлением святых даров. И, однако, я не знал радости, и тоска стесняла мне сердце, когда я вопрошал на ступенях алтаря: «Отчего ты печальна, душа моя, и отчего смущаешь меня?» Приобщая верующих, я испытывал постоянные огорчения, ибо, можно сказать,

²² Св. Августин (354–430) – епископ Гиппонский, один из «отцов церкви».

²³ ...на родине философа Апулея... – Мадавра, родина древнеримского философа Апулея (II в.), славилась колдунами и ворожеями.

²⁴ Проб (*лат. probus*) – честный, скромный.

²⁵ Гордиан – римский император с 238 по 244 г.

еще ощущая на языке вкус тела и крови Христовой, полученных из моих рук, они снова впадали в грех, как если бы таинство не имело силы и не оказывало на них никакого действия. Наконец исполнились сроки земных испытаний моих, и я, опочив в госпде, пробудился в блаженных селениях. И вот тогда из уст ангела, перенесшего меня сюда, услышал я, что кабатчик Бархас продавал у Капенских ворот под видом вина какой-то отвар из овощей и древесной коры, в котором не содержалось ни капли виноградного сока; что я не мог претворять такое варево в кровь, ибо это было не вино, – а одно лишь вино претворяется в кровь Христову; что, следовательно, и совершаемое мною таинство не имело силы, а я с моею паствой, сами того не ведая, на протяжении сорока лет лишены были таинства евхаристии – и, значит, по существу, отлучены от церкви. Я был поражен таким открытием, и поныне угнетающим меня в сих райских селениях. Я непрестанно обхожу их от начала до конца, но не встречал еще здесь ни одного из тех, кому некогда давал причастие в базилике блаженной Модесты.

Лишенные хлеба небесного, они были бессильны противостоять самым отвратительным порокам и все попали в ад. Утешаю себя мыслью, что и кабатчик Бархас осужден на адские муки. В этом есть логика, достойная создателя всяческой логики. Тем не менее мой горестный пример показывает, как бывает иногда прискорбно, что в таинствах форма важнее содержания. И я смиренно вопрошаю: не может ли мудрость предвечного оказать здесь целебное действие?

– Нет, – отвечал Господь. – Лекарство опаснее самой болезни. Если бы для спасения души содержание имело больше силы, чем форма, это означало бы уничтожение священства.

– Увы, Господи, – со вздохом промолвил смиренный Проб, – поверьте моему печальному опыту: сводя таинства к соблюдению ритуала, вы создаете ужасающие помехи своему правосудию.

– Знаю лучше вас! – отвечал Господь. – Я охватываю одним взором и трудные задачи нынешних времен, и задачи времен грядущих, не менее трудные. И вот могу возвестить вам, что, когда Солнце совершит еще двести сорок раз свой путь вокруг Земли...

– Какой возвышенный язык! – воскликнули ангелы.

– И достойный творца вселенной! – поддержали священнослужители.

– Такие обороты речи связаны с моей старой космогонией, – заметил Господь, – и если я откажусь от нее, это нанесет ущерб моей неизменности... Итак, когда Солнце совершит еще двести сорок раз свой путь вокруг Земли, в Риме не останется ни одного ученого, знающего латинский язык. В церквах, при пении литаний, будут взывать к святым Орихилу, Рогуилу и Тотихилу, – имена же эти, как вам известно, суть имена дьявольские, а не ангельские. Многочисленные воры, желая причаститься, но опасаясь, что их заставят для прощения грехов отдать похищенное в церковь, предпочтут исповедоваться у бродячих священников, которые, не зная ни итальянского, ни латинского языка и говоря только на своем деревенском наречии, будут ходить по городам и весям, отпуская грехи за ничтожную плату, а то и просто за бутылку вина. По всей вероятности, подобные отпущения не будут иметь к нам никакого касательства, как полученные без раскаяния и по этой причине недействительные; но крещения, весьма возможно, еще доставят нам немало забот. Священники станут до такой степени невежественны, что начнут крестить младенцев «во имя отцов, сынов и святых духов»²⁶, о чем сообщит не без удовольствия Луи де Поттер²⁷ в третьем томе своей «Философской, политической и критической истории христианства». Разрешать вопрос о действительности такого рода крещения окажется весьма нелегко, ибо, если в Священном писании я мирюсь с греческим языком, далеко уступающим в изяществе языку Платона, и с латынью, отнюдь не цicerоновской, то все-таки не могу же я принять в качестве литургического текста полную тарабарщину! Нельзя

²⁶ ...«во имя отцов, сынов и святых духов»... – Искажение латинской богослужебной формулы: «Во имя отца и сына и святого духа», образец невежества средневекового духовенства.

²⁷ Луи де Поттер (1786–1859) – бельгийский политический деятель, боровшийся за независимость Бельгии; автор трудов по истории церкви.

без содрогания подумать, что такие неправильности будут допущены по отношению к миллионам новорожденных. Но вернемся к нашим пингвинам²⁸.

– Ваши божественные речи, о господи, уже подвели нас снова к этому вопросу, – сказал св. Галл. – В религиозных символах и правилах, от которых зависит спасение души, форма безусловно важнее содержания, и действительность таинства зависит исключительно от формы. Следовательно, нужно только знать, была ли соблюдена форма при крещении пингвинов: да или нет? Ответ совершенно ясен.

Отцы и ученые богословы согласились со св. Галлом, но это привело их к еще большему замешательству.

– Обращение пингвинов в христианство сопряжено для них с немалыми трудностями, – сказал св. Корнелий. – Ведь этим птицам надо будет заботиться о своем вечном спасении. Как же они могут его достигнуть? Птичьи нравы во многих отношениях противоречат предписаниям церкви. А у пингвинов нет разумных оснований эти нравы изменять. То есть, я хочу сказать, пингвины недостаточно разумны, чтобы стать благонравными.

– Они не могут измениться, – сказал Господь. – Этому препятствуют мои предначертания.

– А вместе с тем, – продолжал св. Корнелий, – будучи крещены, они теперь отвечают за свое поведение. Оно станет отныне либо хорошим, либо дурным, достойным похвалы или порицания.

– Да, именно так стоит вопрос, – сказал Господь.

– Я вижу один только выход, – сказал св. Августин. – Пингвины пойдут в ад.

– Но ведь у них нет души, – возразил св. Ириней²⁹.

– Досадно, – со вздохом сказал св. Тертуллиан³⁰.

– Что и говорить! – согласился св. Галл. – Приходится признать, что праведный Маэль, ученик мой, в слепом рвении своем, создал для святого духа немалые трудности богословского характера и погрешил против порядка совершения таинств.

– Легкомысленный старик! – воскликнул, пожимая плечами, св. адъютор Эльзасский.

Но Господь укоризненно взглянул на адъютора и сказал ему:

– Позвольте, позвольте! Ведь святой Маэль, в отличие от вас, блаженный муж, не наделен дарованным свыше знанием. Я недоступен его лицемерию. Он обременен старческими немощами, наполовину глух и на три четверти слеп. Вы слишком суровы к нему. Но признаю, положение в самом деле весьма затруднительно.

– К счастью, это трудность преходящая, – сказал св. Ириней. – Пингвины получили крещение, но их будущие птенцы не получают его, так что ошибка затрагивает лишь нынешнее поколение.

– Не говорите так, сын мой Ириней, – поправил его Господь. – Законы, устанавливаемые естествоиспытателями на земле, допускают возможность исключений, ибо они несовершенны и не вполне соответствуют природе вещей. Но законы, установленные мною, совершенны и не терпят никаких исключений. Надлежит решить участь крещеных пингвинов таким образом, чтобы ни в чем не нарушить божественных законов и десяти заповедей, а равно и предписаний моей церкви.

– Господи, даруйте им бессмертную душу, – предложил св. Григорий Назианзин³¹.

²⁸ Но вернемся к нашим пингвинам – перефразировка крылатого выражения из средневекового французского фарса «Адвокат Патлен»: «Но вернемся к нашим баранам».

²⁹ Св. Ириней (II в.) – епископ города Лиона; католическая церковь считала его христианским мучеником.

³⁰ Тертуллиан (ок. 160–222) – христианский писатель родом из Карфагена.

³¹ Григорий Назианзин – византийский богослов, председатель Первого Вселенского собора христианской церкви в Константинополе (381 г.).

– Увы, Господи, что им делать с нею? – вздыхая, заметил Лактанций³². – Ведь нет у них приятного голоса, чтобы воспевать вам хвалу. Они не в состоянии будут совершать святые таинства.

– Они, конечно, не будут соблюдать божественного закона, – поддержал св. Августин.

– Они не в состоянии будут соблюдать его, – сказал Господь.

– Не в состоянии, – повторил св. Августин. – И если вы, Господи, в великой мудрости своей, вдохнете в них бессмертную душу, они пойдут в огонь вечный, согласно с вашими благими предначертаниями. И таким образом верховный порядок, нарушенный этим старым камбрийцем, восстановится.

– Вы предлагаете мне верное решение, сын Моники³³, вполне согласное с моей мудростью, – сказал Господь. – Но оно не удовлетворяет моего милосердия. А я, хоть и неизменный в своей сущности, с течением времени все более склоняюсь к кротости. Чтобы почувствовать эти изменения в моем характере, достаточно сравнить Ветхий завет с Новым³⁴.

Так как прения затянулись, не внося в вопрос никакой ясности, и блаженные мужи обнаруживали склонность повторяться, – решено было посоветоваться со св. Екатериной Александрийской³⁵. Так обычно поступали во всех затруднительных случаях. Св. Екатерина при земной жизни своей поставила в тупик пятьдесят учнейших богословов. Она одинаково хорошо знала как Священное писание, так и философию Платона, и владела искусством риторики.

³² Лактанций (умер в 325 г.) – христианский проповедник, прозванный за свое красноречие «христианским Цицероном».

³³ Сын Моники – то есть Блаженный Августин (см. прим. к с.39).

³⁴ ...достаточно сравнить Ветхий Завет с Новым. – Образ сурового, карающего бога из Ветхого завета сильно отличается от более человеческого образа Иисуса Христа из Нового завета (Евангелие).

³⁵ Екатерина Александрийская – одна из самых популярных католических «святых». По легенде, отличалась такой ученостью, что приводила в смущение языческих философов, побудив таким образом многих из них перейти в христианство. Приговоренная к колесованию, была спасена ангелом, который сломал колесо и разметал в стороны палачей.

Глава VII. Совещание в раю (Продолжение и окончание)

Святая Екатерина явилась на совещание в венце, украшенном изумрудами, сапфирами и жемчугом, и в платье из золотой парчи. Сбоку она держала пылающее колесо – подобие того, которое осколками своими поразило ее мучителей.

Господь спросил ее мнения, и она сказала следующее:

– Господи, чтобы разрешить задачу, милостиво предложенную мне вами, я не стану подвергать разбору нравы животных вообще и птиц – в частности. Я позволю себе только обратить внимание ученых богословов, исповедников и священнослужителей, здесь собравшихся, на то обстоятельство, что между человеком и животным нет резкого разделения, поелику существуют чудовища, совмещающие в себе оба эти начала. Таковы химеры – полунимфы и полузмеи; таковы три горгоны; таковы козлоногие; таковы сциллы и сирены, поющие на море. Ведь у последних грудь женская, а хвост рыбий. Таковы и кентавры: они до пояса – люди, а ниже – лошади. Это благородные чудовища. Вам, конечно, известно, что один из них, ведомый лишь собственным своим разумом, достиг вечного блаженства, и порою можно видеть, как он круто выгибает доблестную грудь свою среди золотых облаков. За свои земные труды кентавр Хирон удостоился быть причисленным к лику блаженных. Он был воспитателем Ахиллеса; и этот юный герой, выйдя из-под начала кентавра, провел два года в девичьих одеждах³⁶, среди дочерей царя Ликомеда. Он разделял с ними игры и ложе, не дав повода хотя бы на мгновение заподозрить, что он не юная дева, подобная им. Хирон, воспитавший его столь добродетельным, – единственный праведник, если не считать императора Траяна³⁷, достигшего славы небесной соблюдением одного только естественного закона. А ведь Хирон был лишь наполовину человек.

Полагаю, этим примером я доказала, что можно достигнуть вечного блаженства, обладая хоть частью человеческого тела, лишь бы это была часть благородная. И неужели то, чего достиг кентавр Хирон даже без обновляющей силы крещения, будет недостижимо для крещеных пингвинов, если только превратить их в полупингвинов-полулюдей?! А посему умоляю вас, Господи, даровать пингвинам старца Маэля человеческую голову и стан, дабы они могли достойным образом воздавать вам хвалу, и наделить их бессмертными душами, однако лишь небольшого размера.

Так говорила св. Екатерина, и отцы церкви, ученые богословы, исповедники и священнослужители сопровождали ее речь одобрительным шепотом.

Но св. Антоний, отшельник, поднявшись, воскликнул, простирая ко всевышнему узловатые красные руки:

– Не делайте этого, Господи боже мой! Заклинаю духом святым, не делайте этого!

В пылу речи он тряс длинной белой бородой, как голодная лошадь трясет подвешенной к морде пустой торбой.

– Не делайте этого, Господи! Да и птицы с человеческой головой – это уже существует. Воображение святой Екатерины не создало ничего нового.

– Воображение соединяет и сопоставляет, оно ничего не создает вновь, – сухо заметила св. Екатерина.

³⁶ ...в девичьих одеждах... – Девятилетнего Ахиллеса переодела в женское платье его мать Фетида, чтобы уберечь от участия в Троянской войне, в которой он, согласно предсказанию, должен был погибнуть (*греч. миф.*).

³⁷ ...единственный праведник, если не считать императора Траяна... – Римский император Траян (98—117) в условиях кризиса рабовладельческого хозяйства принимал меры для борьбы против обнищания граждан (раздавал деньги, хлеб); вокруг его имени возникли легенды, изображающие его «праведным царем».

– ...Это уже существует, – продолжал св. Антоний, не желая ничего слушать. – Такие создания зовутся гарпиями, они – самые непристойные твари во всей вселенной. Однажды, когда у меня в пустыне ужинал игумен святой Павел³⁸, я накрыл стол у порога своей хижины, под сенью старой смоковницы. На ее ветви слетелись гарпии; они оглушали нас своим пронзительным криком и все время гадили нам в пищу. Несносные чудовища помешали мне выслушать поучения игумена святого Павла, и мы вкушали хлеб наш и латук вместе с птичьим помехом. Да как же поверить, чтобы гарпии могли достойно воздавать вам хвалу, о господи!

Подвергаясь искушениям, я, конечно, видел немало существ, являвших собою самые странные помеси. Я видел не только женщин-змей и женщин-рыб, но еще более нелепые сочетания, как, например, людей с телами в виде кастрюли, колокола, башенных часов, поставца, полного съестных припасов и посуды, а то и целого дома с дверями и окнами, через которые можно было разглядеть обитателей, занятых домашней работой. Не хватит вечности, чтобы описать все чудовищные существа, осаждавшие меня в моем пустынножительстве, – от китов, оснащенных подобно кораблям, до целого ливня красных козляков, обращающих воду моего колодца в кровь. Но ни одна из этих тварей не была так отвратительна, как гарпии, спалившие своими испражнениями листву моей прекрасной смоковницы.

– Гарпии – чудовища женского пола с птичьим телом, – заметил Лактанций. – От женщины у них голова и грудь. Женская природа гарпий – источник их наглости, бесстыдства и похотливости, как показал поэт Вергилий в своей «Энеиде». Они сопричастны проклятию, тяготеющему над Евой.

– Не будем больше упоминать об этом проклятии, – сказал Господь. – Вторая Ева искупила грех первой³⁹.

Павел Орозий⁴⁰, автор «Всемирной истории», впоследствии нашедший подражателя в лице Боссюэ⁴¹, поднялся и стал умолять господа:

– Господи! Внемлите моим мольбам и мольбам Антония. Перестаньте измышлять чудовищ наподобие кентавров, сирен и фавнов, столь любезных грекам, собирателям всяких басен. Вам они не доставят ни малейшего удовлетворения. У таких чудовищ языческие наклонности, и, в силу двойственной природы своей, они не предрасположены к чистоте нравов.

Сладчайший Лактанций возразил на это следующим образом:

– Мы только что выслушали того, кто является в раю, несомненно, лучшим историком, поскольку Геродот, Фукидид, Полибий, Тит Ливий, Беллей Патеркул, Корнелий Непот, Светоний, Манефон, Диодор Сицилийский, Дион Кассий и Лампридий лишены лицемерия божия, а Тацит подвергается в аду мукам, положенным за богохульство⁴². Но Павел Орозий далеко не так хорошо знает небеса, как землю. Ибо он не подумал о том, что ангелы, соединяющие в себе человеческое и птичье начала, – сама чистота.

– Мы отклонились от темы, – сказал предвечный. – При чем тут ваши кентавры, гарпии, ангелы! Дело касается пингвинов.

– Воистину так, Господи, дело касается пингвинов! – воскликнул старейшина пятидесяти ученых мужей, при земной своей жизни поставленных в тупик александрийскою девою. – И я осмеливаюсь выразить мнение, что, дабы прекратить соблазн, смутивший даже небеса, необходимо, как предлагает святая Екатерина, некогда поставившая нас в тупик, даровать пингви-

³⁸ Святой Павел – один из легендарных основателей христианства, о котором рассказывается в «Деяниях апостолов».

³⁹ Вторая Ева искупила грех первой. – Вторая Ева – богородица, праматерь верующих христиан.

⁴⁰ Павел Орозий (V в.) – христианский писатель и историк.

⁴¹ Боссюэ Жак-Бенинь (1627–1704) – французский епископ, проповедник, один из видных идеологов абсолютизма.

⁴² Геродот, Фукидид, Полибий, Диодор Сицилийский, Дион Кассий – греческие историки; Тит Ливий, Беллей Патеркул, Корнелий Непот, Светоний, Лампридий, Тацит – римские историки; Манефон египетский жрец, которому приписывается «История Египта».

нам старца Марля человеческое тело половинной величины и вечную душу соответствующего размера.

После этой речи в собрании поднялся великий шум от всяких рассуждений и ученых споров. Греческие отцы церкви яростно спорили с римскими относительно сущности, природы и размеров души, которую надлежало дать пингвинам.

– Исповедники и священнослужители! – воскликнул Господь. – Не уподобляйтесь конклавам и синодам земным. Не переносите в церковь торжествующую те страсти, что смущают церковь воинствующую⁴³. Ибо следует признать, что на всех боговдохновенных соборах в Европе, Азии и Африке благочестивые отцы вцеплялись друг другу в бороду. Но все же они были непогрешимы, ибо я пребывал с ними.

Порядок был восстановлен. Тогда встал старец Гермий и медленно заговорил:

– Слава тебе, Господи, за то, что твоим произволением мать моя Сафира родилась среди твоего народа в те дни, когда небесная роса освежала землю, готовую породить своего спасителя. И еще слава тебе, Господи, за то, что ты дал моим смертным очам увидеть апостолов твоего божественного сына. Произнесу слово свое в этом блестящем собрании, ибо, по воле твоей, устами смиренных глаголет истина. И скажу: преврати этих пингвинов в людей. Только такое решение достойно твоей справедливости и твоего милосердия.

Многие ученые мужи стали просить слова. Другие брали, не спрашивая. Никто никого не слушал, и все исповедники шумно размахивали пальмовыми ветвями и венками.

Господь мановением десницы утихомирил своих избранных.

– Довольно! – сказал он. – Мнение, высказанное кротким старцем Гермием, одно только согласуется с моими извечными предначертаниями. Эти птицы будут превращены в людей. Предвижу немало осложнений. Многие из таких людей запятнают себя проступками, которые не были бы вменены им в вину, останься они птицами. В связи с превращением участь их, несомненно, будет менее завидна, чем она была бы без крещения и присоединения к семье Авраамовой. Но, как надлежит, мое предвидение не исключает их свободной воли. Дабы не стеснять человеческой свободы, я остаюсь в неведении о том, что знаю, я плотно завешиваю себе очи пеленой, мною самим разорванной, и, в слепой своей прозорливости, дивлюсь тому, что предвидел.

Затем, призвав к себе архангела Рафаила, сказал ему:

– Лети к святому мужу Маэлю, объясни ему, в какую он впал ошибку, и повели, чтобы именем моим он превратил пингвинов в людей.

⁴³ Церковь торжествующая, церковь воинствующая. – Согласно богословской фразеологии, церковь воинствующая означает: верующие в их земной жизни; церковь торжествующая – верующие, которые вкушают райское блаженство после смерти.

Глава VIII. Превращение пингвинов

Спустившись на остров пингвинов, архангел застал святого мужа спящим в углублении между скал, среди своих новых учеников. Он положил ему руку на плечо и, пробудив его, сказал тихим голосом:

– Не бойся, Маэль!

Святой муж, ослепленный ярким светом, опьяненный дивным благоуханием, понял, что это ангел Господень, и простерся ниц.

И тогда ангел сказал:

– Узнай, Маэль, что ты впал в ошибку: думая окрестить детей Адамовых, ты окрестил птиц; и вот из-за тебя пингвины присоединены к церкви божией.

Услышав это, старец остолбенел. Ангел же продолжал:

– Встань, Маэль, вооружись всесильным именем Божиим и повели этим птицам: «Станьте людьми!»

И святой Маэль после слезной молитвы вооружился всесильным именем Божиим и повелел птицам:

– Станьте людьми!

Тотчас вслед за этим пингвины преобразились. Лоб у них раздался в ширину, а череп стал выпуклым, как купол церкви св. Марии Округлой, что в городе Риме. Удлиненные глаза их широко раскрылись на мир Божий; мясистый нос облек щели ноздрей; клюв превратился в рот, и оттуда слышались слова; шея стала короче и толще, крылья преобразились в руки, а лапы – в ноги; грудь стала обиталищем беспокойной души.

Все же в них остались кое-какие следы первоначальной их природы. Они не утратили привычки поглядывать искоса; при ходьбе продолжали раскачиваться на своих коротких ножках; на теле у них сохранился легкий пушок.

Маэль возблагодарил Господа за присоединение этих пингвинов к семье Авраамовой.

Но он скорбел при мысли о том, что вскоре навсегда покинет этот остров и что без него, быть может, вера пингвинов, оставленная без попечения, погибнет, подобно слишком молодому и слишком слабому деревцу. И он задумал переместить их остров к берегам Арморики.

– Пути вечной премудрости Божией неисповедимы, – рассудил он. – Но если Богу угодно, чтобы остров был перемещен, кто может этому воспрепятствовать!

И из льна епитрахили своей он сплел тоненькую веревку длиною в сорок футов. Одним концом веревки он обвязал верхушку скалы, торчавшей среди прибрежных песков, другой конец взял в руки и так вошел в свое каменное корыто. Корыто заскользило по морю и потащило остров пингвинов за собою. После девятидневного плавания оно вместе с островом благополучно достигло бретонских берегов.

Книга вторая. Древние времена

Глава I. Первые одежды

В тот день св. Маэль сел на берегу океана на камень и почувствовал, что камень горяч. Он решил, что это от солнца, и возблагодарил Создателя, не подозревая, что здесь только что сидел диавол.

Проповедник стал ждать прибытия ивернских монахов, коим поручено было доставить большой груз тканей и шкур, дабы одеть жителей острова Альки.

Вскоре он увидел, как на берег сошел монах по имени Магис с сундуком на спине. Монах этот славился святой жизнью.

Приблизившись к старцу, он поставил сундук на землю и сказал, отирая лоб рукавом:

– Так, значит, отец мой, вы хотите одеть своих пингвинов?

– Это крайне необходимо, сын мой, – отвечал ему старец. – С тех пор как пингвины присоединены к семье Авраамовой, они причастны проклятию, тяготеющему над Евой, и сознают свою наготу, чего раньше не было. Следует незамедлительно всех одеть, ибо у них уже сходит с тела пушок, оставшийся после превращения.

– Это верно, они голы, – сказал Магис, оглядывая берег, где пингвины были заняты ловлей креветок или собиранием ракушек, а то пели песни или спали. – Но как вы полагаете, отец мой, не лучше ли оставить их голыми? Зачем их одевать? Нося одежды и подчиняясь законам нравственности, они возгордятся, станут лицемерными и слишком жестокими.

– Неужели, сын мой, ты такого низкого мнения о законах нравственности! – со вздохом сказал старец. – Ведь им подчиняются даже язычники.

– Законы нравственности, – заметил Магис, – обязывают людей, каковые суть те же звери, жить не по-звериному. – Это для них тягостно, но в то же время весьма лестно и успокоительно. А так как люди чванливы, трусливы и падки на удовольствия, они охотно подчиняются принуждениям нравственности, ибо это тешит их самолюбие и внушает им уверенность в нынешнем дне, а также надежду на будущее блаженство. Такова основа всякой нравственности... Но не будем отклоняться в сторону. Мои спутники сгружают на этот остров ткани и звериные шкуры. Пока есть еще время, подумайте хорошенько, отец мой! Решение одеть пингвинов может привести к весьма важным последствиям. В настоящее время, когда какой-нибудь пингвин пожелает пингвинку, ему точно известно, чего он желает, и его вожеления ограничены вследствие ясного представления о вожеленном. Вот и сейчас, на берегу, две-три четы пингвинов на солнышке предаются любви. Смотрите, с какой простотой это делается! Никто не обращает на них внимания, да и сами они не так уж увлечены всем этим. Но когда пингвинки облекут себя покровами, пингвины уже не так хорошо будут отдавать себе отчет в том, что же их привлекает. Их неясные желания превратятся в грезы и иллюзии, – словом, отец мой, они познают любовь и ее безумные муки. А между тем пингвинки будут опускать глазки и поджимать губки с таким видом, как будто скрывают под своими одеждами некое сокровище... Тошно подумать!

Зло будет еще терпимо, пока жизнь этих племен останется грубой и скудной; но погодите, отец мой, через какую-нибудь тысячу лет вы увидите, сколь опасным оружием снабдили вы дочерей Альки. Если позволите, я вам заранее покажу это наглядно. В сундуке у меня имеются кое-какие тряпки. Подзовем любую из этих пингвинок, на которых пингвины обращают сейчас так мало внимания, и постараемся по возможности принарядить ее.

Да вот какая-то пингвинка идет в нашу сторону. Она ни красивей, ни безобразней других. Молодая. Никто на нее и не взглянет. Она беспечно бродит среди прибрежных скал, ковы-

ряя в носу и почесываясь ниже поясицы. Сами видите, отец мой, плечи у нее узкие, груди обвислые, живот жирный, желтый, ноги короткие. Колени красные и при каждом шаге образуют морщины, словно это гримасничают две обезьяньи мордочки. Жилистые растопыренные ступни цепляются за скалы четырьмя крючковатыми пальцами, а большие пальцы ног торчат кверху, словно две змеи, настороженно поднявшие головы. Она всецело занята ходьбой; все ее мышцы напряжены в этой работе. И, видя ее тело в действии, мы получаем впечатление, что это машина, предназначенная больше для ходьбы, чем для любви, хотя, совершенно очевидно, она пригодна и для того и для другого, обладая вдобавок еще рядом разных приспособлений. Посмотрите же, досточтимый отец проповедник, что я из нее сделаю!

При этих словах монах Магис в три прыжка настигает пингвинку, хватая ее поперек тела, тащит, подметая ее волосами землю, и бросает, охваченную ужасом, к ногам святого Маэля.

Она плачет, умоляет пощадить ее, а Магис меж тем вынимает из сундука пару сандалий и приказывает ей примерить их.

– Стянутые шерстяными тесемками, ее ступни будут казаться меньше, – пояснил он старцу. – Благодаря подошвам толщиной в два пальца у нее изящно удлинятся, ноги и она приобретет величественную осанку.

Завязывая на ногах сандалии, пингвинка с любопытством бросила взгляд в открытый сундук и, видя, что он полон нарядов и драгоценностей, улыбнулась сквозь слезы.

Монах свернул ее волосы узлом на затылке и надел ей на голову шляпу с цветами. Руки ее он украсил золотыми запястьями, а затем, поставив ее перед собою, опоясал широкой льняной повязкой, утверждая, что это придает большую пышность груди, гибкость стану и округлость бедрам.

Вынимая изо рта булавку за булавкой, он принялся закалывать на пингвинке пояс.

– Можно чуть потуже, – сказала она.

Старательно и умело придав форму дряблым грудям пингвинки, он надел на нее розовую тунику, мягко обрисовавшую линии тела.

– Хорошо ли сидит? – спросила пингвинка. Изогнувшись, повернув голову набок и уперев подбородок в плечо, она внимательно изучала фасон своего туалета.

Магис спросил, не находит ли она, что платье длинновато, но пингвинка с уверенностью отвечала, что нисколько не длинновато и что она будет подбирать его рукою.

И тотчас же левой рукой подхватила юбку сзади, обтянула ее на себе повыше икр, притом так, чтобы были чуть-чуть видны пятки. Затем она удалилась мелкими шажками, покачивая бедрами. Она не оборачивалась по сторонам, но, проходя мимо ручья, краешком глаза поглядела на свое отражение.

Какой-то пингвин, которому она попалась навстречу, остановился в изумлении, потом, повернув назад, пошел за нею. Все время, пока она шла по берегу, пингвины, возвращаясь с рыбной ловли, подходили к ней, глядели во все глаза и поворачивали за нею следом. Лежавшие на песке поднимались с места и присоединялись к толпе.

При ее приближении все новые и новые пингвины спускались к ней с горных тропинок, выходили из расщелин между скалами, появлялись из воды, так что свита ее непрестанно росла. И все они – зрелые мужчины с могучими плечами и волосатой грудью, гибкие юноши, старики с розовыми морщинистыми телами, поросшими седой щетиной и трясущимися на ходу, или с заплетающимися ногами, тоньше, суше той можжевелевой палки, что служила им в качестве третьей ноги, – все спешили к пингвинке, задыхаясь, издавая острый запах и громко сопя. Но она оставалась спокойной, словно ничего не замечала.

– Отец мой, – воскликнул Магис, – полюбуйте, как все они шагают за ней, нацелившись носами в сферический центр сей молодой особы, – а все оттого, что он прикрыт розовой тканью. Своими разнообразными свойствами шар вызывает у геометров немало размыш-

лений. А если он принадлежит к миру телесному и живому, то приобретает новые качества. И для того чтобы пингвинам открылось полностью все значение этого геометрического тела, понадобилось, чтобы они перестали отчетливо воспринимать его своим зрением и вынуждены были представлять себе в уме. Да, чувствую, что и меня самого неудержимо повлекло к этой пингвинке. Потому ли, что юбка придавала необходимую выпуклость ее заду и, сочетая в нем простоту с величием, облекла его синтетическим, обобщающим смыслом, выявила в нем лишь чистую идею, лишь божественный принцип, – не знаю, но мне кажется, если я обниму ее, то достигну вершины чувственной радости. Несомненно, стыдливость делает женщин непреодолимо заманчивыми. Я полон такого волнения, что не в силах его скрывать.

При этих словах, бесстыдно подняв полы своего одеяния, он устремляется к толпе пингвинов, оттесняет их в сторону, расшвыривает, опрокидывает на землю, топчет их ногами, наконец нагоняет дочь Альки, обхватывает руками ее розовый сфероид, привлекавший к себе взгляды и желания целого племени, – и она, уносимая монахом, внезапно скрывается в прибрежной пещере.

Тут пингвинам показалось, будто солнце померкло. А св. Маэль понял, что это диавол обернулся монахом Магисом, чтобы дать одежду дочери Альки. Плотское искушение овладело и самим старцем, и душа его впала в скорбь. Медленно возвращаясь к своему отшельническому жилищу, он видел, как маленькие пингвиночки, лет шести-семи, не больше, плоскогрудые и тонконогие, опоясались повязками из морских водорослей и разгуливают по берегу, поглядывая, не идут ли за ними мужчины.

Глава II. Первые одежды ***(Продолжение и окончание)***

Святой Маэль был до глубины души огорчен тем, что первые покровы, надетые на дочь Альки, нанесли только вред целомудрию пингвинов, а отнюдь не послужили ему на пользу. Однако он упорно оставался при своем намерении одеть обитателей чудесного острова. Созвав их на берег, он роздал им привезенную ивернскими монахами одежду. Пингвины получили штаны и короткие туники, пингвинки – длинные платья. Но платья эти произвели далеко не столь сильное впечатление, как туалет той пингвинки. Они были не такие красивые, покррой у них был простой, неизящный, и никто на них не обращал внимания, потому что их можно было видеть на всех. Так как пингвинки занимались стряпней и работали в поле, у них скоро остались одни грязные кофты да измызганные юбки. Пингвины взваливали на несчастных своих подруг непосильную работу, так что те уподоблялись рабочему скоту. Пингвины не знали сердечных волнений и порывов страсти. Нравы их были безыскусственны. Нередкое среди них кровосмешение отличалось сельской простотой, и если какому-нибудь молодому парню случилось в пьяном виде совершить насилие над собственной бабушкой, то на следующий день он об этом уже не помнил.

Глава III. Межевание полей и возникновение собственности

Остров пингвинов отнюдь не сохранял того сурового вида, как во времена, когда, окруженный плавающими льдами, он в скалистом амфитеатре своем давал приют бесчисленному птичьему населению. Гора, некогда высоко возносившая свою снежную вершину, осела, превратившись в небольшую возвышенность, с которой можно было видеть берега Арморики, окутанные вечным туманом, и океан, усеянный угрюмыми скалами, выглядывавшими из водных глубин, подобно неким чудовищам. Берега, более плоские, чем прежде, были глубоко изрезаны, так что остров стал похож на лист тутового дерева. Он вдруг порос соленовой травой, до которой так лакомы стада, ивами, могучими смоковницами и величественными дубами. Об этом имеются свидетельства у Бэды Достопочтенного⁴⁴ и у многих других авторов, заслуживающих полного доверия.

На севере берег образовывал глубокую бухту, где впоследствии возник порт, один из самых прославленных во всем мире. На востоке, вдоль берегов, где, набегая на скалы, пенились морские валы, простиралась пустынная низменность, поросшая благовонными травами. Это был Берег Теней, куда островитяне не отваживались проникать, опасаясь змей, гнездившихся в расщелинах скал, и боясь встретить души умерших, скользившие там бледными языками пламени. На юге плодовые сады и рощи окаймляли теплую Гагарью бухту. На этом благословенном берегу старец Маэль поставил церковь и деревянную монастырскую обитель. На западе две речки, Кланж и Сюрель, орошали плодородные долины – Далльскую и Домбскую. И вот однажды, осенним утром, прогуливаясь по берегу Кланжа с одним ивернским монахом по имени Буллок, блаженный Маэль увидел, что по дорогам движутся отряды разъяренных людей, вооруженных камнями.

В то же самое время он услышал со всех сторон крики и стоны, поднимавшиеся из долины к спокойным небесам. И он сказал Буллоку:

– С грустью замечаю, сын мой, что, с тех пор как жители острова превратились в людей, они стали вести себя менее разумно, чем прежде. Будучи птицами, они ссорились друг с другом только в пору любви. А теперь они враждуют во всякое время, готовые вступать в драку зимою и летом. Где то величавое спокойствие, которое некогда Господствовало на собрании пингвинов, придавая ему сходство с сенатом мудро устроенного государства!

Взгляни, сын мой Буллок, в сторону Сюрели. Там, посреди свежей зелени долины, двенадцать пингвинов заняты тем, что убивают друг друга лопатами и мотыгами, вместо того чтобы обрабатывать ими землю. А женщины, еще более жестокие, чем мужчины, ногтями раздирают лицо своим врагам. Увы, сын мой Буллок, почему они истребляют друг друга?

– Из чувства общности, отец мой, и в предвидении будущего, – отвечал Буллок. – Ибо человек по природе своей существо предусмотрительное и общественное. Таков его характер. Человек не представляет себе существования без приобретения собственности. Эти пингвины, учитель, заняты тем, что приобретают землю.

– Но разве нельзя приобретать ее без такого насилия? – спросил старец. – Сражаясь друг с другом, они обмениваются бранью и угрозами. Я не разбираю слов, но в голосах слышен гнев.

– Они обвиняют друг друга в воровстве и захватничестве, – отвечал Буллок. – Таков основной смысл их пререканий.

В это мгновение св. Маэль, всплеснув руками, испустил глубокий вздох.

⁴⁴ Бэда Достопочтенный (начало VIII в.) – англосаксонский монах, один из виднейших историков раннего Средневековья.

– Смотри, сын мой, – воскликнул он, – смотри, как яростно вон тот пингвин впился зубами в нос своего поверженного противника, а другой мозжит голову женщине огромным камнем!

– Вижу, – отвечал Буллок. – Они заняты тем, что создают право, устанавливают собственность, утверждают основы цивилизации, устои общества и законы.

– Каким же это образом? – спросил старец Маэль.

– Межуя свои поля. Это начало всякого общественного порядка. Твои пингины, учитель, выполняют величественнейшую задачу. Дело их будет на протяжении веков освящено законоведами, поддержано и утверждено судьями.

Пока монах Буллок говорил это, какой-то крупный пингвин, белокожий и рыжий, спустился в долину, неся на плече ствол дерева. Приблизившись к черному от загара маленькому пингвину, поливавшему свой латук, он крикнул ему:

– Твое поле принадлежит мне!

Произнеся эти властные слова, он ударил маленького пингвина дубиной по голове, и тот пал мертвым на землю, возделанную его собственными руками.

При таком зрелище св. Маэль задрожал всем телом и пролил обильные слезы.

И голосом, сдавленным от страха и отвращения, он вознес к небесам такую молитву:

– Господи Боже мой! Ты, приявший жертву Авеля и предавший Каина проклятию, отмсти, Господи, за этого пингвина, без вины убиенного на поле своем, да восчувствует убийца тяжесть десницы Твоей. Ибо есть ли, о Господи, более гнусное злодеяние, более тяжкое оскорбление правосудию Твоему, чем сие убийство и сей грабеж?

– Имейте в виду, отец мой, – кротко возразил ему Буллок, – то, что вы называете убийством и грабежом, не что иное, как война и завоевание, священные основы империй, источники всех доблестей и всего величия человеческого. В особенности подумайте о том, что, порицая большого пингвина, вы нападаете на собственность в самом ее зарождении и сущности. Я без труда докажу вам это. Возделывать землю – одно, владеть ею – совсем другое. Эти явления не следует смешивать. В области собственности право первого заимщика весьма неопределенно и юридически слабо обосновано. Право завоевателя, напротив, покоится на прочном основании. Только оно достойно уважения, ибо только оно принуждает уважать себя. Собственность имеет своим единственным и достославным источником силу. Сила порождает собственность, и она же охраняет ее. Поэтому собственность священна и уступает только большей силе. Вот почему справедливо утверждение, что, кто владеет собственностью, тот благороден. И этот высокий рыжий человек, убивая земледельца, дабы завладеть его полем, положил начало одному из благороднейших родов своей страны. Пойду поздравить его.

И Буллок подошел к высокому пингвину, который, опираясь на свою палицу, стоял у окровавленной борозды.

И, поклонившись ему в пояс, промолвил:

– Грозный владыка, великий Греток, я пришел воздать вам уважение, как основателю законной власти и родового богатства. Зарытый в вашей земле череп жалкого пингвина, поверженного вами, останется вечным доказательством священных прав ваших потомков на эту землю, облагороженную вами. Счастливы дети ваши и дети детей ваших. Они будут носить имя Гретоков, герцогов Скалльских⁴⁵, и будут править островом Алькой.

Затем, повернувшись к святому старцу Маэлю, громко прибавил:

– Отец мой, благословите Гретока. Ибо всякая власть от Бога.

Маэль стоял, не двигаясь, безмолвно подняв глаза к небу; доктрина монаха Буллока вызвала в нем горькие сомнения. И, однако, именно этому учению суждено было торжествовать в

⁴⁵ Гретоки, герцоги Скалльские. – Греток (Great auk, *англ.*) – Великий пингвин; скалл (Skull, *англ.*) – череп.

эпохи высокой цивилизации. Буллока можно считать создателем гражданского права в Пингвинии.

Глава IV. Первое собрание Генеральных штатов Пингвинии

– Сын мой Буллок, – сказал старец Маэль, – надобно произвести перепись пингвинов и внести их всех в книгу.

– Это необходимо, – отвечал Буллок. – Без переписи невозможно никакое управление.

И тотчас же проповедник с помощью двенадцати монахов приступил к всенародной переписи.

Потом старец Маэль сказал:

– Теперь, когда у нас есть списки всех жителей острова, сын мой Буллок, следует установить справедливые налоги, дабы иметь средства на общественные расходы и на содержание монастыря. Каждый должен облагаться сообразно своему достатку. Поэтому, сын мой, созови алькских старейшин, и совокупно с ними мы установим налоги.

Старейшины, числом тридцать, собрались во дворе деревянного скита, под большой смонвицей. Это было первое собрание пингвинских Генеральных штатов. На три четверти оно состояло из богатых крестьян с берегов Сюрели и Кланжа. Греток, как самый знатный среди пингвинов, сидел на самом высоком камне.

Преподобный Маэль, заняв место посреди своих монахов, обратился к собравшимся со следующим словом:

– Дети мои, Господь наш своим соизволением дает людям богатство и отнимает его. И вот я собрал вас здесь, дабы совместно с вами наложить на народ наш подати для получения средств на общественные нужды и на содержание монахов. Подати эти, я полагаю, надлежит взимать сообразно достатку каждого. Так, имеющий сто быков отдаст из них десять, имеющий десять – одного.

Когда святой муж окончил свою речь, поднялся Морио, Земледелец из Аниса-на-Кланже, один из самых богатых пингвинов, и сказал:

– О отец мой Маэль! Я признаю, что совершенно справедливо брать с каждого на общественные расходы и церковные нужды. Уж я-то готов лишиться всего своего имущества ради братьев моих пингвинов, рубашку с себя и ту готов отдать. Все старейшины народные тоже согласны пожертвовать своими богатствами. Кто усомнится в их преданности своей стране и вере! Поэтому надо считаться только с общественной пользой и все подчинить ее требованиям. И вот, отец мой, общественная польза требует, она предписывает не брать много с тех, кто многим владеет, ибо тогда богатые станут менее богаты, а бедные – еще бедней. Ведь бедные питаются добром богатых, поэтому богатство священо. Не трогайте его. Это бесполезная суровость! Отнимая у богатых, вы не получите никакой выгоды: ведь богатых немного; напротив, вы лишитесь последнего, так как страна впадет в нищету. Между тем если вы обратитесь за небольшой помощью к каждому из жителей острова, независимо от достатка, то собранного хватит на общественные нужды, и вы избавитесь от необходимости разуживать о доходах граждан, которых подобного рода расследования способны глубоко задеть. А накладывая тяготы в небольших размерах на всех равномерно, вы пощадите неимущих, потому что оставите им такую подмогу, как богатство имущих. Да и возможно ли распределять налог в зависимости от достатка! Вчера у меня было двести быков, сегодня их шестьдесят, а завтра будет сто. Ключник владеет тремя коровами, но тощими; Никкю – только двумя, зато жирными. Кто же из них богаче – Ключник или Никкю? Признания благосостояния очень обманчивы. Несомненно только одно: каждый ест и пьет. Вот и установите налог на еду и питье. Это будет мудро и справедливо.

Так сказал Морио, и старейшины рукоплескали ему.

– Эта речь достойна быть запечатленной на бронзовых таблицах! – воскликнул монах Буллок. – В ней – завет будущим поколениям; через полторы тысячи лет лучшие среди пингвинов будут высказываться точно таким же образом.

Еще не стихли рукоплескания старейшин, как Греток, положив руку на рукоять меча, объявил без лишних слов:

– Я благороден и налога платить не буду, платить налог неблагородно. Пусть платит чернь.

Выслушав это, старейшины молча разошлись.

Так же, как было в Риме, перепись стали производить в Пингвинии каждые пять лет, и благодаря этому было установлено, что народонаселение быстро растет. Несмотря на необычайную детскую смертность, несмотря на то, что голод и моровая язва то и дело, с поразительной настойчивостью, опустошали целые селения, новые пингвины, все более многочисленные, содействовали своею личной нищетой общественному процветанию.

Глава V. Брак Кракена и Орброзы

В те времена жил на острове Альке один сильный и хитрый пингвин по имени Кракен. Он поселился в пещере на Берегу Теней, куда жители острова никогда не отваживались ходить, опасаясь змей, гнездившихся в расщелинах скал, и боясь встретить души пингвинов, умерших некрещеными; эти души блуждали по мрачному берегу, похожие на бледные языки пламени, испуская протяжные стоны. Все полагали, неизвестно почему, что среди пингвинов, превращенных блаженным Маэлем в людей, некоторые не получили крещения и теперь, после смерти, бродят по берегу и плачут под завывания бури. На этом диком берегу и поселился Кракен в неприступной пещере. В нее можно было проникнуть только через естественный подземный ход длиной в сто футов, скрытый в лесной чаще.

Но вот как-то вечером Кракен шел по пустынному полю и вдруг встретил прелестную молодую пингвинку. Это была та самая, которую некогда своими руками одел монах Магис, первая среди пингвинок, стыдливо прикрывшая свою наготу. В память о дне, когда восхищенная толпа пингвинов следила за ее торжествующим бегом в платье цвета зари, эта дева получила имя Орброзы⁴⁶.

При виде Кракена она испустила крик ужаса и бросилась бежать. Но герой схватил ее за развевающиеся одежды и обратился к ней со словами:

– Дева, скажи мне, как тебя зовут, какого ты рода, из какой страны?

Однако Орброза смотрела на Кракена по-прежнему с ужасом.

– Вы ли сами передо мною, Господин мой, или это ваша беспокойная душа? – с трепетом спросила она.

Она говорила так потому, что жители Альки, ничего не зная о Кракене с тех пор, как он поселился на Берегу Теней, думали, что он умер и стал ночным духом.

– Не бойся, дочь Альки, – отвечал Кракен. – С тобой говорит не блуждающая душа, но сильный и могущественный человек. Скоро я буду владеть огромным богатством.

И юная Орброза спросила:

– Как же рассчитываешь ты приобрести огромное богатство, о Кракен? Ведь ты только пингвин.

– Я достигну этого при помощи своего ума, – отвечал Кракен.

– Да, я знаю, – сказала Орброза, – живя среди нас, ты славился своею ловкостью как рыболов и охотник. Никто не может с тобою сравняться в искусстве ловить рыбу сетью или пронзать стрелою быстrolетных птиц.

– Это занятия низкие и утомительные, о юная дева. Я открыл способ приобрести большое богатство, не изнуряя себя трудом. Но скажи мне, кто ты?

– Меня зовут Орброзой, – отвечала юная дева.

– Почему же ты оказалась в ночную пору так далеко от своего жилища?

– На то была воля неба, Кракен.

– Что это значит, Орброза?

– Это значит, что само небо, о Кракен, поставило меня на твоём пути с неведомой мне целью.

Кракен долго смотрел на нее в странном молчании. Потом вдруг ласково промолвил:

– Войди в мой дом, Орброза. Это дом самого искусного и самого храброго среди сынов Пингвинии. Если ты пойдешь за мною, то станешь моей подругой.

⁴⁶ «Orbe – поэтическое название шара в применении к небесным телам. В широком смысле слова всякого рода шарообразное тело» (Литтре). – А. Франс ссылается на известный толковый словарь, составленный французским ученым Эмилем Литтре (1801–1881).

Тогда, опустив глаза, она прошептала:

– Я пойду за вами, Господин мой.

Так прекрасная Орброза стала подругой героя Кракена. Этот брак не был ознаменован торжественными песнопениями при свете факелов, потому что Кракен не хотел показываться пингвинскому народу: укрывшись в своей пещере, он создавал великие замыслы.

Глава VI. Алькский дракон

«Потом пошли мы осматривать кабинет естествознания. Хранитель показал мне какую-то соломенную плетенку, сообщив, что в ней находятся кости дракона. Доказательство, что дракон – существо отнюдь не баснословное», – прибавил он.

Мемуары Джакомо Казановы. Париж, 1843, т. IV, с. 404–405⁴⁷.

Между тем обитатели Альки предавались мирным трудам. Те, кто жил на северном побережье, ездили на лодках ловить рыбу и собирать ракушки. Домбские земледельцы сеяли овес, рожь и пшеницу. В Дальской долине богатые пингвины разводили домашний скот, а жители Гагарей бухты занимались садоводством. Купцы из Порт-Альки вели с Арморикой торговлю соленой рыбой. Бретонское и британское золото, проникая на остров, облегчало торговые сношения. Пингвинский народ спокойно наслаждался плодами своих трудов, как вдруг Зловещая молва побежала из селенья в селенье. Всюду сразу стало известно, что ужасный дракон дотла разорил две фермы в Гагарей бухте.

А за несколько дней до того пропала дева Орброза. Ее хватились не сразу, так как и прежде то один, то другой сильный мужчина, воспылав к ней любовью, похищал ее. И пингвинские мудрецы не удивлялись этому: ведь она была прекраснейшей из дев Пингвинии. Было замечено, что иногда она даже шла навстречу своим похитителям: ведь от судьбы не уйдешь. Однако на этот раз, видя, что ее нет и нет, все испугались: уж не сожрал ли ее дракон?

Вместе с тем жители Дальской долины вскоре убедились, что этот дракон не пустая выдумка женщин, любящих поболтать у источника. Ибо однажды ночью в деревне Анис чудовище сожрало шесть кур, барана и сиротку-мальчика по имени Эло. Наутро от похищенных не осталось и следа.

Сельские старейшины немедленно собрались на площади Совета и, усевшись на каменную скамью, стали обсуждать, что делать в подобных ужасных обстоятельствах. И, призвав к себе всех, кто видел дракона в эту зловещую ночь, спросили их:

– Заметили ли вы, каков он видом и что у него за повадки?

И все по очереди отвечали:

– У него львиные когти, орлиные крылья и змеиный хвост.

– На спине у него щетинистый гребень.

– Весь он покрыт желтой чешуей.

– Взгляд его зачаровывает и поражает, как молния. Из пасти его извергается пламя.

– Он заражает воздух своим дыханием.

– У него голова драконья, когти львиные, хвост как у рыбы.

Но одна жительница Аниса, слывшая женщиной положительной и разумной, – та самая, у которой дракон похитил трех кур, – сообщила следующее:

– С виду он совсем как человек. Я даже обозналась и подумала было, что это мой муженек, так что сказала ему: «Иди ты спать, дурачина!»

Другие говорили:

– Он вроде облака.

– Он словно гора.

А какой-то ребенок пришел и сказал:

– Я видел, как у нас в риге дракон снял с себя голову, чтобы поцеловать мою сестрицу Минни.

⁴⁷ Джакомо Казанова (1725–1798) – итальянский авантюрист, автор скандальных мемуаров.

И еще спрашивали старейшины:

– Какой величины был дракон?

Им отвечали:

– Как бык.

– Как большие торговые корабли бретонцев.

– Ростом с человека.

– Выше смоковницы, под которой вы сидите.

– Не больше собаки.

На вопрос, какого он цвета, жители отвечали:

– Красного.

– Зеленого.

– Синего.

– Желтого.

– Голова у него совсем зеленая, крылья ярко-оран-жевые, с розовым отливом и серебристо-серыми краями; зад и хвост в коричневую и розовую полосу; живот ярко-желтый в черную крапинку.

– Какого он цвета?.. Бесцветный!

– Цвет у него драконий.

Услышав эти показания очевидцев, старейшины пребывали в недоумении, что же надлежит предпринять. Одни предлагали подстеречь дракона, напасть на него и пронзить множеством стрел. Другие, считая безнадежным противиться столь могучему чудовищу, советовали умиротворить его приношениями.

– Будем платить ему дань, – сказал один из них, пользовавшийся славой мудреца. – Мы можем умиловать его дарами – вином, плодами, ягнятами, юной девственницей.

Наконец, третьи советовали отравить источники, из которых он обычно пьет, или напустить дыма в его пещеру, чтобы он там задохся.

Но ни одно из этих мнений не возобладало. Долго тянулись споры, и старейшины разошлись, так и не приняв никакого решения.

Глава VII. Алькский дракон. (Продолжение)

Весь месяц, посвященный римлянами их ложному богу Марсу⁴⁸, или Маворсу, дракон разорял дальские и домбские фермы; он уволок пятьдесят баранов, двенадцать свиней и трех мальчиков. Все семьи были в горе, и остров оглашался жалобными воплями. Чтобы заклинаниями избавиться от всеобщего бедствия, старейшины несчастных селений, орошаемых Кланжем и Сюрелью, уговорились собраться и сообща идти за помощью к блаженному Маэлю.

На пятый день месяца, название которого на языке латинян означает «открытие»⁴⁹, потому что с него начинается год, процессия старейшин подошла к деревянному скиту, возвышающемуся на южном берегу острова. Впущенные в ограду, они огласили обитель стонами и рыданиями. Тронутый их жалобами, старец Маэль покинул монастырский покой, где предавался занятиям астрономией и размышлениями над Священным Писанием, и спустился к ним, опираясь на свой пастырский посох. Старейшины при виде его простерлись ниц, протягивая к нему зеленые ветви. А некоторые стали курить благовонными травами.

И святой муж, сев у монастырского колодца, под древней смоковницей, обратился к ним с таким словом:

– О дети мои, потомки пингвинов, почему предаетесь вы плачу и стенаниям? Почему протягиваете ко мне с мольбою эти ветви? Почему возносите к небесам благовонные курения? Надеетесь ли вы, что я отвращу от вашей главы некое несчастье? О чем умоляете вы меня? Я готов жизнь мою отдать за вас. Скажите же мне, чего ждете вы от своего отца?

На его вопросы ответил первый из старейшин:

– О Маэль, отец детей алькских! Дозволь мне говорить от имени всех. Ужасный дракон опустошает наши поля, уводит наш скот и уносит к себе в логово цвет нашего юного потомства. Он пожрал маленького Эло и еще семь мальчиков. Он растерзал своими хищными зубами деву Орброзу, прекраснейшую из пингвинок. Ни одно селение не может уберечься от его смертоносного дыхания и опустошительных набегов.

Подвергаясь столь страшному бедствию, мы обращаемся с мольбою к тебе, о Маэль, дабы ты, мудрейший, пришел на помощь жителям острова и не дал прекратиться древнему роду пингвинов!

– О первый из алькских старейшин, – отвечал Маэль, – слова твои погружают меня в глубокую скорбь, и я сокрушаюсь при мысли о том, что над вашим островом свирепствует жестокий дракон. Случай сей не единственный, и в книгах можно найти немало рассказов о свирепых драконах. Эти чудовища водятся большей частью в пещерах, у воды и главным образом среди языческих народов. Может быть, некоторые из вас, хотя и получили святое крещение и были причислены к семье Авраамовой, продолжали все же поклоняться идолам, по примеру древних римлян, или же вешали разные изображения, обетные таблички, шерстяные повязки и гирлянды цветов на ветви какого-нибудь священного дерева. А то еще, может быть, пингвинки плясали вокруг волшебного камня и пили воду из источников, где обитают нимфы. Если это так, то следует думать, что Господь Бог наслал на вас дракона, дабы покарать всех за преступления некоторых и побудить вас, о сыновья пингвинов, уничтожить в вашей среде кошунство, суеверие и нечестие.

А потому укажу вам на спасительное средство против постигнувшей вас беды: тщательно разыскивайте и искореняйте следы идолопоклонства у себя в жилищах. И еще, полагаю, помогут вам молитва и покаяние.

⁴⁸ ...месяц, посвященный... богу Марсу... – То есть март.

⁴⁹ ...месяца, название которого... означает «открытие»... – То есть апреля (от *лат.* *aperire* – открывать).

Так сказал святой старец Маэль. И старейшины пингвинского народа, облобызав стопы его, вернулись обнадеженные в свои селения.

Глава VIII. Алькский дракон. (Продолжение)

Следуя советам св. Маэля, жители Альки стали усердно искоренять суеверия, зародившиеся среди пингвинов. Они следили за тем, чтобы пингвинские девушки не ходили больше танцевать вокруг дерева фей, произнося заклинания. Они сурово запретили молодым матерям прикладывать своих младенцев, для придания им силы, к камням, воздвигнутым в полях. Один домбский старец, занимавшийся предсказаниями по ячменным зернам, которые он встряхивал на сите, был брошен в колодезь.

Но чудовище продолжало еженощно опустошать птичники и стойла. Перепуганные крестьяне, ложась спать, заваливали двери изнутри, кто чем мог. Одна беременная женщина, выглянув в слуховое окно и увидев на дороге, голубой от лунного света, тень дракона, так испугалась, что тут же выкинула раньше срока.

В эти дни испытаний св. Маэль непрестанно размышлял о природе дракона и способах его одолеть. После полугода изысканий и молитв ему показалось, что он нашел то, что искал. Однажды вечером, прогуливаясь по берегу моря вместе с молодым монахом по имени Самуил, он изложил ему свою мысль в следующих словах:

– Я долго изучал историю и нравы драконов – не из пустого любопытства, но в надежде найти примеры, поучительные в нынешних обстоятельствах. Такова польза, приносимая историей, сын мой Самуил.

Известно, что драконы отличаются поразительной способностью непрестанно бодрствовать. Они никогда не спят. Поэтому им часто поручают охранять сокровища. Так, дракон охранял в Колхиде⁵⁰ золотое руно, пока оно не было захвачено с боя Ясоном. Другой дракон стерег золотые яблоки в садах Гесперид. Он был убит Гераклом и превращен Юноной в небесное созвездие. Об этом рассказано в книгах; если это правда, то тут действовала магия, ибо языческие боги – в действительности диаволы. Еще один дракон не позволял людям, грубым и невежественным, пить из Кастальского ключа. Следует упомянуть также дракона Андромеды, убитого Персеем.

Но оставим языческие басни, где к истине постоянно примешиваются заблуждения. Мы обнаруживаем драконов и в повествовании о преславном архангеле Михаиле, о святых Георгии, Филиппе, Иакове Старшем, Патрике, о святых Марфе и Маргарите. В этих-то рассказах, достойных всяческого доверия, надлежит нам искать утешительных советов.

Так, история силенского дракона может послужить нам драгоценным примером. Надобно знать тебе, сын мой, что на берегу обширного озера, неподалеку от города Силены, жил страшный дракон, который время от времени приближался к городским стенам и отравлял своим дыханием воздух предместий. И чтобы дракон не пожрал всех жителей Силены, они каждое утро отдавали ему одного на съедение. Кого назначить в жертву, метали жребий. И вот в конце концов жребий пал на царскую дочь.

Но святой Георгий, который был военным трибуном, приехав в город Силену, узнал, что царскую дочь только что отвели к дракону. Он тотчас же снова вскочил на коня и, вооружившись копьем, помчался вослед дракону, которого застиг в то мгновение, когда чудовище уже готово было сожрать царственную деву. Когда же святой Георгий поверг дракона на землю,

⁵⁰ Колхида – древнее название Кавказа. Далее приводятся сюжеты нескольких греческих мифов. Ясон – предводитель аргонавтов (пловцов на корабле «Арго»), отправившихся в Колхиду за золотым руном, которое сторожил дракон. Геспериды – дочери великана Атланта – ухаживали за садом с золотыми яблоками, который охранялся страшным драконом Ладонем. Кастальский ключ – источник у подножья горы Парнас, посвященный музам и считавшийся способным пробуждать поэтическое вдохновение. Андромеда – прекрасная дочь царя Эфиопии, которая была принесена в жертву дракону, но спасена героем Персеем. А. Франс иронически указывает на совпадение языческих и христианских мифов.

царская дочь обвязала шею зверя своим поясом, и он последовал за нею, словно собака на поводке.

Из этого примера видно, как сильна власть дев над драконами. История святой Марфы может служить еще более убедительным тому доказательством. Знаешь ли ты ее историю, сын мой Самуил?

– Да, отец мой, – отвечал Самуил.

И блаженный Марль продолжал:

– На берегах Роны, между Арлем и Авиньоном, жил в лесу дракон, полужверь-полурыба, больше быка величиной, с острыми, как рога, зубами и с большими крыльями. Он топил корабли и пожирал всех, кто плыл на них. И вот святая Марфа, вняв мольбам народа, пошла к дракону, который в это время пожирал какого-то человека. Она повязала своим поясом шею чудовища и без труда привела его в город.

Эти два примера внушают мне мысль прибегнуть к могуществу какой-либо девы, дабы победить дракона, сеющего ужас и смерть на острове Алька.

А потому, сын мой Самуил, тебе надлежит препоясать чресла твои и обойти с двумя спутниками все селения острова, оповещая о том, что только непорочная дева может спасти остров от чудовища, истребляющего народ.

Пой псалмы и гимны и возглашай повсюду: «О сыновья пингвинов! Если есть у вас чистая дева, да поднимется она и, осенив себя крестным знамением, да поспешит одолеть дракона».

Так сказал старец, и юный Самуил обещал исполнить его повеление. На другой день он препоясал чресла свои и пустился в дорогу с двумя спутниками, дабы возвестить жителям Альки, что только непорочная дева способна освободить пингвинов от ярости дракона.

Глава IX. Алькский дракон. (Продолжение)

Орброза любила своего супруга – но не только его. В час, когда на бледном небе загоралась Венера, а Кракен наводил ужас на деревни, она спешила в маленький домик на колесах, где ее ждал молодой далльский овчар по имени Марсель, таивший в изящном теле своем неистощимую силу. Прекрасная Орброза предавалась наслаждениям, разделяя с пастухом благоухающее травмами ложе. Но, отнюдь не желая открывать ему свое настоящее имя, она назвалась Бригитой и выдавала себя за дочь садовника из Гагарьей бухты. Когда, с сожалением вырвавшись из его объятий, она шла по дымящимся туманами лугам к Берегу Теней и невзначай встречала какого-нибудь запоздалого крестьянина, то принималась помахивать покрывалом, словно большими крыльями, и кричала громким голосом:

– Прохожий, опусти взор, дабы не пришлось тебе говорить потом: «Увы! Увы! Горе мне, ибо я видел ангела Господня!»

Крестьянин, дрожа, повергался ниц. И на острове стали поговаривать, что ночью по дорогам ходят ангелы и кто их увидит, тот умрет.

Кракен ничего не знал о любовных утехх Орброзы и Марселя, ибо он был герой, а герои никогда не догадываются о проделках своих жен. Но, не подозревая об этой любви, он наслаждался ее благотворными последствиями. Возвращаясь к своей подруге, он видел, что с каждой ночью она становится все более радостной и прекрасной, что она так и дышит сладострастием, распространяя вокруг себя на супружеском ложе чудесное благоухание дикого укропа и вербены. Она любила Кракена любовью, которая была беззаботна и не слишком требовательна, так как распространялась не на него одного.

И счастливая неверность Орброзы вскоре спасла героя от большой опасности, навсегда утвердив его благополучие и славу. Ибо, повстречав в сумерках одного бельмотского волопаса, который подгонял своих волов стрекалом, она полюбила его еще сильнее, чем овчара Марселя. Он был горбат, голова у него ушла по уши в плечи, колченогое тело раскачивалось из стороны в сторону, злые косые глаза дико глядели из-под всклокоченных волос. Говорил он грубым голосом, смеялся пронзительно и резко; от него пахло хлебом. Но ей он показался прекрасным. Одному полюбилось растение, другому – река, третьему – животное, как сказал Гнатон⁵¹.

И вот однажды в деревенском амбаре, вздыхая и предаваясь истоме в объятиях волопаса, она вдруг услышала звуки рожка, топот толпы и гул голосов; выглянула в слуховое окно и увидела, что на рыночной площади собрались жители селения и обступили какого-то молодого монаха, взобравшегося на камень и говорившего громким голосом:

– Жители Бельмонта! Игумен Маэль, досточтимый отец наш, возвещает вам моими устами, что победа над драконом не зависит ни от силы рук, ни от оружия, – одолеть его может только невинная дева. Так если есть среди вас дева, сохранившая себя в нетронутой чистоте, пусть она встанет и пойдет навстречу чудовищу. А приблизившись к нему, пусть обовьет ему шею своим поясом, и оно последует за нею покорно, как собачонка.

И, накинув капюшон себе на голову, молодой монах пошел возвещать по другим селениям слова блаженного Маэля.

Он был уже далеко, а Орброза, поджав ноги, все сидела на соломенном ложе любви; облокотись на колено и подперев подбородок рукою, она размышляла о словах монаха. Хоть она и считала, что могущество невинной девы гораздо менее опасно для Кракена, чем сила оружия, – однако извещение от блаженного Маэля внушило ей тревогу; какое-то неясное, но верное чутье, управлявшее ее мыслями, подсказывало ей, что отныне Кракен уже не может безнаказанно оставаться драконом.

⁵¹ Гнатон – персонаж римской комедии, «паразит» (блюдолиз в богатом доме).

– Сердечко мое, что ты думаешь насчет дракона? – спросила она волопаса.

Мужлан ответил, качая головой:

– В старину, это верно, драконы опустошали землю; и были среди них громадные, величиною с гору. Но теперь таких не бывает. И что бы у нас там ни толковали про чудовище, покрытое чешуей, а мне сдается, тут все дело в морских разбойниках или купцах, – это они уволокли к себе на корабль и красавицу Орброзу, и самых красивых алькских ребят. Пусть только кто из этих разбойников попробует увести у меня быков, уж я как-нибудь, силою либо хитростью, отважу его от этих проделок.

Слова волопаса еще больше встревожили Орброзу, и она еще сильнее почувствовала необходимость позаботиться о судьбе любимого супруга.

Глава X. Алькский дракон. (Продолжение)

Шли дни за днями, и на острове все не объявлялось девственницы, чтоб одержать победу над чудовищем. И в деревянном скиту старец Маэль, сидя на скамье под сенью древней смоковницы вместе с благочестивым монахом по имени Регименталий, с грустью и тревогой спрашивал себя, как же это во всей Альке не найдется ни одной непорочной девы, способной одолеть зверя.

Он вздохнул, брат Регименталий – тоже. Увидев в это мгновение юного Самуила, входящего в сад, старец Маэль подозвал его и промолвил:

– Я снова раздумывал, сын мой, о том, как уничтожить дракона, что пожирает цвет нашего юношества, наши стада и наши жатвы. В этом деле история драконов святого Риока и святого Павла Леонского представляется мне особенно назидательной. Дракон святого Риока был длиною в шесть туазов; головой он походил одновременно на петуха и на василиска, а туловищем был змеебык. Он опустошал берега Элорка во времена короля Бристока. Святой Риок, будучи тогда двух лет от роду, отвел его на бечевке к самому морю, где чудовище покорно утопилось. Не менее страшен был дракон святого Павла, длиною в шестьдесят футов. Блаженный просветитель Леонский обвязал его своей епитрахилью, а другой конец вложил в руку одному знатному юноше, известному своей чистотой. Эти примеры показывают, что девственник не менее угоден Господу, чем девственница. Перед небом они равно достойны. А потому, сын мой, если ты согласен со мною, мы отправимся вдвоем на Берег Теней; подойдя к пещере чудовища, мы громким голосом вызовем дракона из его логова, и когда он появится, я обвяжу ему шею своей епитрахилью, а ты отведишь его на берег моря, где он всенепременно утонит.

При этих словах Самуил опустил голову и ничего не ответил.

– Ты как будто колеблешься, сын мой, – сказал Маэль.

Брат Регименталий, вопреки своей привычке, заговорил, не дожидаясь, чтобы спросили его мнения.

– Поневоле заколеблешься, – сказал он. – Ведь святому Риоку было только два года, когда он одолел дракона. Кто поручится, что и лет через девять-десять он мог бы сделать то же самое? Не забывайте, отец мой, что дракон, опустошающий наш остров, пожрал ведь маленького Эло и еще нескольких мальчиков. Брат Самуил не настолько самонадеян, чтобы в девятнадцать лет мнить себя чище двенадцатилетних или четырнадцатилетних.

– Увы, – со вздохом продолжал монах, – кто может похвалиться своею чистотой в этом мире, где мы всюду видим примеры любовной страсти, где все в природе – животные и растения – предаются на наших глазах сладострастию и внушает нам стремление к любовным утехам. Животные жаждут соединяться на свой лад, но никакие сочетания четвероногих, птиц, рыб и пресмыкающихся не сравнятся в отношении сладострастия с браками среди растений. Все чудовищные непристойности, измышленные язычниками в своих баснях, бледнеют перед тем, что творит простой полевой цветок, и если бы ты подумал о блудодействах лилий и роз, ты удалил бы с алтарей своих эти чаши распутства, эти сосуды соблазна.

– Не говори так, брат Регименталий, – возразил старец Маэль. – Покорствуя закону естества, животные и растения остаются невинными. У них нет души, о спасении коей надлежало бы заботиться, меж тем как человек...

– Ты прав, – отвечал брат Регименталий, – это дело другого сорта. Но не посылай юного Самуила к дракону: тот его съест. Вот уже пять лет, как Самуил потерял способность удивлять чудовищ своей невинностью. В год кометы диавол-искуситель поставил ему на дороге молочницу, подтыкавшую себе юбку, чтобы перейти брод. Самуил почувствовал соблазн, но не поддался ему. Тогда диавол, неутомимый в своих кознях, показал ему во сне образ этой молодой

девицы, и сонное видение оказалось могущественней, чем явь: Самуил пал. Пробудившись, он оросил слезами свое оскверненное ложе. Увы! Раскаяние не вернуло ему невинности.

Слушая этот рассказ, Самуил недоумевал, как тайна его могла быть открыта: не знал он, что диавол принял на себя облик брата Регименталия, чтобы смущать души алькских монахов.

А старец Маэль пребывал в задумчивости и, тоскуя, вопрошал себя:

– Кто спасет нас от зубов дракона? Кто охранит нас от его дыхания? Кто защитит нас от его взгляда?

Между тем обитатели Альки понемногу осмелели. Домбские землепашцы и бельмонтские волопасы клялись, что со свирепой тварью они сами справятся получше всякой девы, и, щупая свои мускулы, восклицали: «А ну-ка, дракон, выходи!» Многие мужчины и женщины уже видели его. Они не могли столковаться насчет его обличия, но только все в один голос утверждали, что он вовсе не так уж огромен, как прежде казалось, и лишь немногим больше человека. Стали заботиться об обороне: по вечерам при входе в деревню выставляли караульщиков, чтобы те в случае опасности подняли тревогу; отряды, вооруженные вилами и косами, охраняли по ночам загоны для скота. Однажды в деревне Анис смелые землепашцы даже настигли дракона в то время, когда он перепрыгивал через ограду во двор к Морию; вооруженные цепями, косами и вилами, они бросились к нему и уже подступили вплотную. Один из них, удалой и ловкий, уверял даже, что пырнул его вилами, да, поскользнувшись в луже, упустил. Остальные наверняка догнали бы его, если б не замешкались, кинувшись ловить кроликов и кур, которых он побросал на бегу.

Эти крестьяне сообщили старейшинам селения, что видом и размерами чудовище показалось им похожим на человека, и только голова да хвост у него были в самом деле такие, что ужасно глядеть.

Глава XI. Алькский дракон. (Продолжение)

В тот день Кракен вернулся к себе в пещеру раньше обычного. Он стащил с головы свой шлем из тюленьей шкуры с парой бычьих рогов наверху и с грозными клыками, торчащими изпод забрала. Бросил на стол свои страшные когтистые перчатки – на концах пальцев к ним были прикреплены клювы зимородков. Расстегнул пояс с извивающимся зеленым хвостом позади. Потом приказал своему пажу Эло снять с него сапоги, и, так как мальчику все не удавалось справиться с этим, он пинком ноги отшвырнул его в другой конец пещеры.

Даже не взглянув на прекрасную Орброзу, которая пряла шерсть, он уселся перед очагом, где жарилась баранья туша, и пробурчал:

– Что за гнусные пингвины... Последнее ремесло на свете – изображать дракона.

– Что вы говорите, Господин мой? – спросила прекрасная Орброза.

– Меня перестали бояться, – продолжал Кракен. – Прежде все разбегались при моем приближении. Я уносил в своем мешке кур и кроликов. Гнал перед собой баранов и свиней, коров и быков. А теперь эта деревенщина стала расставлять караул. Охраняют входы. Только что в Анисе за мною погнались крестьяне, вооруженные пенами, косами и здоровенными вилами, так что мне пришлось побросать кур и кроликов, перекинуть свой хвост через руку и бежать со всех ног. Но, скажите на милость, разве пристало каппадокийскому дракону, подобрав свой хвост, улепетывать, словно какому-нибудь воришке! И вдобавок все эти рога, клыки, гребень, когти и чешуя так стесняли мои движения, что я еле ноги унес от одного негодяя, который на добрых полдюйма всадил мне вилы в левую ягодицу.

При этом он осторожно поднес руку к пострадавшей части тела. Затем, после довольно продолжительного горького раздумья, прибавил:

– Что за олухи эти пингвины! Мне надоело пускать огонь в их дурацкие рожи. Слышишь, что я говорю, Орброза?

После этих слов герой, держа перед собою свой грозный шлем, долго глядел на него в угрюмом молчании. Потом разразился потоком жалоб:

– Я собственными руками скроил себе этот шлем из тюленьей кожи. Чтобы сделать его еще страшнее, я увенчал его бычьими рогами и оснастил челюстью дикого кабана, пустил поверху конский хвост, крашенный киноварью. Никто из жителей острова не мог вынести его вида, когда он покрывал меня, спускаясь до самых плеч, при мрачном сумеречном свете. Завидев меня, женщины и дети, юноши и старики в ужасе бежали прочь, и все пингвинское племя трепетало передо мною. Каким же образом этот дерзкий народ, забыв прежний страх, осмеливается глядеть прямо на эту свирепую морду и бежать вслед за этой устрашающей гривой?

И он бросил шлем на каменный пол пещеры.

– Так пропади ты пропадом, изменник шлем! – вскричал Кракен. – Клянусь всеми демонами Армора, никогда больше тебя не надену!

И, произнеся эту клятву, он стал топтать ногами свой шлем, перчатки, сапоги и извивающийся хвост.

– Кракен, – сказала прекрасная Орброза, – позвольте вашей покорной служанке прибегнуть к хитрости, ради спасения вашей славы и вашего добра. Не пренебрегайте помощью женщины. Такая помощь вам необходима: ведь все мужчины – глупцы.

– Что ты задумала, женщина? – спросил Кракен.

И прекрасная Орброза сообщила своему супругу, что по городам и весям ходили монахи, оповещая жителей острова о наивернейшем способе победить дракона; что, по их словам, зверя может одолеть девственница и что, если невинная дева обвяжет дракону шею своим поясом, она без малейшего труда поведет его за собою, как собачонку.

– Откуда ты знаешь, что монахи говорят это? – спросил Кракен.

– Друг мой, – отвечала Орброза, – я беседую с вами о таких важных вещах, а вы перебиваете меня пустыми вопросами... «Итак, – говорили монахи, – если есть среди вас невинная дева, пусть она объявится!» Так вот, Кракен, я решила откликнуться на их призыв. Пойду к святому старцу Маэлю и скажу ему: «Я эта дева, избранная небесами для одоления дракона!»

При этих словах Кракен удивленно воскликнул:

– Да какая же ты невинная дева? И почему ты хочешь пойти на меня, Орброза? В своем ли ты уме? Ну уж я не дам себя одолеть!

– Чем сердиться, не лучше ли прежде понять, что я предлагаю? – заметила прекрасная Орброза, кротким вздохом выражая глубокое презрение.

И она изложила свой хитроумный замысел.

Герой слушал ее в раздумье. Когда она кончила свою речь, он сказал:

– Ты очень хитро все придумала, Орброза! И если замысел твой осуществится, то принесет мне большую выгоду. Но как же ты станешь чистой девой, избранной небесами?

– Насчет этого не беспокойся, Кракен, – отвечала она. – А теперь пойдем-ка спать.

Весь следующий день, сидя в пропахшей жиром пещере, Кракен плел из ивовых прутьев какой-то безобразный каркас, затем обтянул его отвратительными кожами со взъерошенной чешуей. Прекрасная Орброза пришила к каркасу с одного конца грозный гребень и мерзкое забрало, служившее Кракену в его опустошительных набегах, а с другого – прикрепила извивающийся хвост, который герой имел обыкновение волочить за собою. Окончив работу, они приказали маленькому Эло и еще пятерым мальчикам, что им прислуживали, влезть в это сооружение и тащить его на себе, чтобы оно ползло, а внутри жечь паклю и дуть в раструбы, чтобы драконья пасть извергала пламя и дым.

Глава XII. Алькский дракон. (Продолжение)

Надев платье из грубой шерстяной материи, подпоясавшись простою веревкой, Орброза явилась в скит и попросила допустить ее к блаженному Маэлю для беседы. Так как женщинам доступ в ограду монастыря был воспрещен, то старец вышел за ворота, держа в правой руке своей пастырский посох, а левой опираясь на плечо Самуила, самого молодого из учеников.

– Кто ты, женщина? – спросил он.

– Я дева Орброза.

Услышав такой ответ, Маэль воздел дрожащие руки к небу:

– Правду ли говоришь ты, женщина? Всем известно, что Орброзу пожрал дракон. И вот я вижу Орброзу и слышу ее. Не было ли так, о дочь моя, что ты осенила себя крестом во чреве чудовища и вышла невредимой из его пасти? Это представляется мне наиболее вероятным.

– Ты не ошибся, отец мой, – отвечала Орброза. – Именно так и было со мною. Выйдя из звериного чрева, я удалилась в уединенное место на Берегу Теней. В своем пустынножительстве я предавалась молитве и размышлению, совершая неслыханные подвиги воздержания, как вдруг получила откровение небесное в том, что только девственница может одолеть дракона и что девственница эта я.

– Покажи мне какой-нибудь знак, свидетельствующий о твоём призвании.

– Этот знак я сама, – отвечала Орброза.

– Мне известно о могуществе тех, кто запечатлел плоть свою печатью невинности, – сказал просветитель пингвинов. – Но действительно ли ты такова, как говоришь?

– Увидишь это по моим делам, – отвечала Орброза.

Тут монах Регименталий приблизился и сказал:

– Это будет лучшим доказательством. Царь Соломон изрек: «Три вещи трудно узнать, а четвертую – невозможно: след змеи на камне, птицы – в воздухе, корабля – в воде, мужчины – в женщине». Я считаю дерзкими тех матрон, что выставляют себя в таких делах осведомленнее мудрейшего из царей. Поверьте мне, отец мой, советоваться с ними относительно благочестивой Орброзы нет никакого смысла. Если они и выскажут вам свое мнение, это ничего вам не даст. Доказать девственность не менее трудно, чем сохранить ее. Плиний⁵² утверждает в своей «Естественной истории», что признаки ее воображаемы или весьма неопределенны⁵³. Иная отмечена всеми четырнадцатью знаками растления, но чиста пред очами ангелов, иная же, наоборот, признанная непорочной, после того как матроны оглядели и ощупали ее всю, мнимой невинностью своей обязана уловкам предусмотрительного разврата. Что касается чистоты предстоящей здесь святой девицы, то я готов ручаться за нее, сунув руку в огонь.

Он говорил так потому, что он был диавол. Но старец Маэль не знал об этом. И спросил благочестивую Орброзу:

– Скажи, дочь моя, каким способом предполагаешь ты победить столь свирепого зверя, однажды уже пожравшего тебя?

Дева отвечала:

– Завтра, при восходе солнца, о Маэль, ты созовешь народ на холм, пред которым до самого Берега Теней расстилается пустынная степь, и проследишь за тем, чтобы ни один пингвин не подходил к скалам ближе чем на пятьсот футов – иначе он будет тотчас же отравлен дыханием чудовища. Дракон выйдет из скал, и я обвяжу ему шею своим поясом и поведу его на поводке, как послушную собачку.

⁵² Плиний (24–79) – римский писатель и ученый.

⁵³ Мы тщетно искали эту фразу в «Естественной истории» Плиния (Издатель). (Примеч. авт.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.